

К 1404572

ЗВЕЗДА ПОЮЖЬЯ

сборник стихов

выпуск №8

*Администрация Подосиновского
муниципального района Кировской области,
отдел культуры, молодежной политики и спорта,
Муниципальное учреждение культуры
Подосиновская межмуниципальная
библиотечная система*

ЗВЕЗДА ПОЮЖЬЯ

сборник стихов

выпуск №8

п. Подосиновец, 2009 г.

ББК 84(2Рос=Рус)6-5

З-43

Сборник стихов “Звезда Поюжья”, выпуск 8. - Киров,
2009 г.

Художник **Сергей Горбачев.**

«Звезда Поюжья» впервые увидела свет в 2001 году.

Может показаться, что «звезда» звучит слишком громко и амбициозно, однако новых звёздочек на небосклоне Поюжья зажглось за эти годы немало. Свидетельством тому то, что первый сборник представляли всего восемь авторов, сейчас – сорок один, среди которых не только поэты, но и прозаики.

Юг-река объединила людей, живущих по её берегам, а фестиваль «Славяне Поюжья» стал символом дружбы, выражением общности взглядов и устремлений.

Прекрасна природа Русского Севера, щедра на таланты эта земля. Любовь к отчему краю, боль и тревога за его сегодняшнюю судьбу, вера и возрождение духовных и нравственных ценностей красной нитью проходят через каждый сборник. Не является исключением и новый выпуск альманаха.

Уважаемый читатель!

В очередной раз приглашаем вас в путешествие «вдоль по тихому белому Югу» от Никольска до Устья и предлагаем вместе с авторами порадоваться новой встрече друзей, новым поэтическим находкам.

*Надежда Мохина
руководитель литературного
объединения «Родник»,
член Союза писателей России.*

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ОТКРОВЕНИЕ» Г. НИКОЛЬСК

Юрий ЗАЙЦЕВ

О деревне

На фоне ветхости строений
Российских древних деревень
Возводят замки, словно клинья
Вбивают в придорожный пень.
Пытаясь вытащить с корнями
Остатки прежней старины,
Вперёд, прогресс! Покончим с пнями!
И в их деяньях нет вины.
Но будущее нам рисует –
Та каменная высота.
И сменит красоту живую
Глухонемая пустота.
Живите, русские деревни,
Не угасайте день за днём.
Ведь ваша жизнь подобно кремню,
Душевным радует огнём.

Ольга ЗОТИКОВА

* * *

Отпусти в поля гнедую,
В васильковые поля.
Пусть на гриву золотую
Полжует земля.

Пусть бока целует ветер,
В ноздри – запах спелой ржи,
Ты её фамильной плетью
За забором не держи.

Дай напиться в волю воли,
Морду в роднике умыть.
И на коже капли соли
В белых росах утопить.

Нет, чужой её не тронет,
Не ищи кнута спросонок.
Ждёт её в твоём загоне
Длинноногий жеребёнок.

* * *

По обе стороны – спят сладко радости.
Пусть стороной от них пройдут все напасти.

Под тёплым крылышком – по обе стороны –
Два милых птенчика, не тронут вороны.

Пусть ветер ласково им гладит перышки.
По обе стороны – спят сладко солнышки.

И я поделена на части равные –
По обе стороны – и это главное.

Александр ЛЕШУКОВ

* * *

По тебе я скучаю, дом отчий...
По тебе я скучаю, дом отчий.
Неуютно отшельником жить.
Но люблю я в часы полуночи
О родимых полях погрузить.

В одиночестве снова проснулся
Рифмы буйной неслаженный рой.
И опять я в стихи окунулся
Бесшабашной своей головой.

Первый стих, помещённый в газету,
Не на шутку меня захватил.
Ну, а если уж буду поэтом, -
Расплещу свою душу и пыл.

На могиле поэта.

На Бобришном памятном Угоре
Над крутой излучкой Юг-реки
Ты стоишь с отчаяньем во взоре,
По матроски, сжавши кулаки.

Над тобою древнее светило
Полыхает в горной высоте,
Будто свечи, блики засветило,
На могильной мраморной плите;

Шевелюру медную ласкает,
Золотит берёзки на юру.
Где-то рядом иволга рыдает,
Где-то филин ухает в бору.

Сколько раз тропинкою желанной
Приходил с корзиной босиком
Ты сюда в рубаше домотканой,
Затянувшись красным кушаком.

По-хозяйски бережно ступая,
Ты бродил, что добрый лесовик,
О нелёгкой жизни размышляя,
Прост по-русски, скромн и велик.

Здесь в избушке незамысловатой
Земляков радушно принимал,
Угощал их снедью небогатой
И стихи нехитрые читал.

Этот угол – дивный дар природы –
Ты ревниво с детства полюбил.
С ним делил и радость, и невзгоды
И в его объятиях почил.

Не спеши, прохожий неизвестный.
Кто б ты ни был, мой духовный брат,
Поклонись – в могиле этой тесной
Спит поэт, крестьянин и солдат.

* * *

Пролетайте, безумные годы,
Мне не жаль вас, ни крошки не жаль.
Пусть несут меня мутные воды
В неизвестную, мутную даль.

Не волнуйте, минутные встречи,
Угасай необузданный пыл.
Не стучи, ошалелое сердце,
Чтобы я никого не любил.

Людмила КАРПОВА

Папе

С шуршаньем падали из-под рубанка стружки...
А многим так и не дано понять
Всю красоту древесной завитушки,
Хранящую руки его печать.

Стучал топор и молоток негромко,
За щепкой щепка падала в траву...
Душа и восприятие ребёнка
Творили чудо, сказку наяву.

И пахла борода смолёвой стружкой,
Глаза хранили мир, лесной покой.
Он жил в обычной маленькой избушке,
Которая стоит над Юг-рекой.

* * *

Не по стандарту радости людей,
Не в узких рамках бытия лиричности
Вам не понять ход мыслей и идей
Неординарной, мечущейся личности.
Пусть все вокруг твердят, что тьма страшна,
Пускай твердят, что Солнце – жизни пламень.
Я докажу, что тьма – есть глубина,
А солнце землю превращает в камень.
Василий Мишенёв

* * *

В окнах берёзы –
Картинами зимними в рамках...
В доме топится печь,
А тепло до меня не достало.
Я у печки сижу и курю,
Потому что нет мамы,
Мама б раньше меня
За куренье в избе поругала.

Так захотелось,
Чтоб мама меня побранила,
Голос услышать,
Словно назад возвратиться,
Сказал бы я маме,
Что сердце с годами ранимей,
Годы уходят,
А чем перед ней мне гордиться?

Вышел я в поле,
А в поле родимом снега,
Быстро метель
Все дороги мои замечает,
Та метель мне на сердце,
Как камень, легла,
Холодом жжёт
И никак не растает.

Знакомый берег
Этот берег знаком,
Подмываемый струями,
На весенней реке
Солнце блещет в воде...
Загрустила душа
Потаёнными струнами:
Та же мчится река,
Только годы не те!

В тихом сердце своём
Сохраняю я бережно,
Как девчонка одна
/И судьба, может быть,/
Мне махала рукой
С отдалённого берега.
Я плота не нашёл,
Чтоб реку переплыть...
Я стою на краю,
Вспоминаю далёкое,

А река широка,
Заливает луга,
Но на том берегу
Лишь сосна одинокая,
И ничья не махнёт
За рекою рука...

* * *

Прокатилась
Заснеженных дней колесница.
Я весне отрываю окно...
Ты согрей
Моё сердце, весенняя птица,
Так зимою продрогло оно!..

Облака проплывут,...
Как весёлые струги.
Незаметно нагрянут стрижи...
Ты, весна,
Разбуди замолчавшие струны
Заметленной снегом души!..

Стихи наступившего года
Стихи наступившего года,
Как новые гости в дому...
Плохая сегодня погода!
Как раз бы побыть одному.

Хотелось бы думать о главном,
О том, без чего и не жить,
И видеть, как густо и плавно
Снега начинают кружить.

Хотелось бы вспомнить о той, что
За берегом дальним живёт,
И ждать с нетерпением почты,
Письма, что уже не придёт.

Какая сегодня погода!
Сижу в сигаретном дыму...
Стихи наступившего года
Как новые гости в дому.

* * *

Не погибнув во зле, во мгле,
Дорогих не забыв имён,
Я живу на родной земле
И не жду золотых времён.

А Россия — сплошной вокзал,
Где все ждут поездов мечты,
Только каждый состав опоздал,
Даже, может, сошёл с пути.

Продувает нас на ветру,
Мы тревожно глядим вперёд...
Я боюсь за свою страну,
Я боюсь за родной народ!

А Россия — сплошной вокзал,
Где все ждут поездов мечты...
Кто бы верный путь указал
Рвущимся из темноты!

Ростислав ПАНОВ

Вьюга

Снег метёт по всей России,
В небесах и на земле.
Гнутся мачтами осины,
Словно в шторм на корабле.
Вьюга, вьюга, завируха
Виснет тенью за окном.
Дом постанывает глухо,
Точно ель под топором.
Ни затишья, ни просвета,
И мне кажется: лечу...
И летит со мной планета,
Уподобившись мячу.

* * *

Цветёт черёмуха за речкой,
Роняя в воду лепестки.
Как с девичьей руки колечко,
Луна скатилась на пески...

* * *

Я томился в ожиданьи,
В ожидании дождя,
Как на первое свиданье
Торопился, не стыдясь.
Но не брызнул дождик мая,
Туча в сторону ушла,
Только радостно сгорая,
В воду радуга легла.

* * *

Прощайте, любимые птицы,
До новой весны, до цветов!
А небо, как отблеск водицы,
А звёзды, как цепь маяков.

И вот вы летите, летите
По гаснущим звёздам на юг,
Где солнце в серебряных нитях,
Где нет ни морозов, ни вьюг.
Прощайте, любимые птицы!
Как жаль, не умею летать!
Закроюсь в старинной светлице
И стану я вас ожидать.
Как медленно время зимою,
Застыли часы на стене.
Мне Африка снится порою
И птицы мои при луне.
Ах, птицы мои, пилигримы!
Не высказать сердцу тоски.
В России вы только любимы,
Как любы весной васильки.

Сергей ПОДОЛЬСКИЙ

* * *

Что случилось с тобой, Серёга?
Расскажи, всё же я твой друг.
Почему вдруг твоя дорога
Превратилась лишь в колею?

Почему ты впредь не смотришь,
Почему опустил глаза?
Может быть, ты уже не хочешь,
Что б быстрее пришла гроза.

Чтобы воздух вдруг стал почище,
Чтоб напиться смогла земля,
Чтобы дождь потушил кострище
То, что так тревожит тебя?

Почему ты вдруг стал грубее,
Почему ты стал больше пить?
Я же знаю: ты всё сумеешь,
Надо только тебя взбодрить.

И зачем опускаешь руки,
Ведь тебе всего двадцать лет –
Засиделся в гостях у скуки,
Видишь - скоро придёт рассвет?

Так проснись же, тряхни головою,
Хватит спать – у нас столько дел:
Мы должны, Серёга, с тобою
Сделать всё, что ты так хотел.

Сергей ТРОПИН

Привет из детства

Милые, нарядные домишки,
Вы не хмурьте вырезных бровей
На смешного лыжника – мальчишку,
Что спугнул с рябины снегирей.

Он оставил лыжи под забором,
По сугробам к счастью напрямик
Поспешил и, счастьем окрылённый,
К деревцу промёрзшему приник.

Синий иней вспыхнул на рябине,
От смущенья – кругом голова...
Он соседской девочке Фаине
Приготовил нежные слова.

Видит он глаза своей любимой,
Нежный взгляд, тайком, из-под руки.
И пылают гроздьями рябины
На щеках смешинки-огоньки...

Милые, нарядные домишки,
Вы не хмурьте вырезных бровей
На смешных девчонку и мальчишку,
Что спугнули с веток снегирей.

Виктор ЦВЕТКОВ

Вожак.

М. Рыбину – поэту, охотнику.

Обложили стаю красными флажками,
Но вожак, прорвав оклад, ушёл снегами.
Стаю на расправу он оставил,
Под флажки нырнул один – без стаи.
В окладе эхо выстрелов гремело,
От жутких ран зверьё сильнее зверело.
От картечи мордой в снег ныряли
И на себе клыками раны рвали.
Исход расправы был жесток и краток,
Но стаю спас красавец – переярок.
Разорвав флажки могучей грудью,
Стаю спас, проложив к жизни путь ей.
А матёрый уходил всё дальше, дальше,
След кровавый скрыв в метельной чаще.
В ночь на звёздном небе месяц вышел.
Раны зализав, матёрый выжил.

Топкий снег когда в лощинах стоял,
Встретил волк покинутую стаю.
Знал вожак закон жестокой мести,
Хвост поджав, крутился он на месте.
По закону стаи за измену,
Отступнику вскрывает стая вены.

Сквозь ошур озлобою сверкая,
Вожака в кольцо замкнула стая.
Шерсть взъерошив в ожиданье схватки,
Клацали клыками переярки.
Матёрая взвилась в броске коротком,
Челюсти сомкнув на серой глотке...
Страшен был исход жестокой драки,
Тело в клочья рвали переярки.

.....

Полыхал восток зарёй кровавой,
Воронье следило за расправой.
Предвкушая лёгкую добычу,
Клик вороний был противно зычен...
...Стаю, что измены не простила,
Матёрая в болота уводила.

Мы ещё споём...

Лешукову А.М.

Отшумели тополя листвою,
Отзвенели в роще соловьи...
Вот и мы, мой нежный друг, с тобою
Васильками в поле отцвели.

Не беда, что годы пролетели,
Отшумев, за дальний окоём,
Сколько песен мы с тобою спели,
Сколько мы ещё с тобой споём.

Вспомним тех, которых мы любили,
Вспомнят пусть и те — любимых нас.
Вспомним тех, кто есть, и тех, что были,
Не взлетевших на крутой Парнас.

Так поднимем выше дружбы чашу,
С виноградным чувственным вином.
Выпьем, друг, за жизнь шальную нашу,
Выпьем и тихонечко споём.

Пусть поля, покосы и дубравы
Золотит поры осенней медь...
Жизнь рассудит правых и неправых,
Жизнь решит, когда нам умереть.

Отшумели тополя листвою,
Отсвистели в роще соловьи...

...Вновь в полях, за синею рекою,
Васильки весною зацвели.

Иллюзия

Т.К.

Я хочу прикоснуться
К Вам горячей ладонью,
Вихрем в сердце ворваться
Чистой, нежной любовью.
Пить из Ваших ладоней
Зорь хрустальные росы,
Но коварно колючи
Шипы дивной розы.

Кто сорвёт розу чайную
В тихом райском саду?
Скован цепью венчальною,
В этот сад не войду.
Я, с другою повенчанный
Неразрывной судьбой,
Кротким взглядом развенчанный
И пленённый тобой

Я не строю иллюзии,
Жизни ведая суть,
Буду Вашим изгнанником,
Продолжая свой путь.
Буду тенью незримою
В брызгах знойного дня...

Если всё это выдумал –
Вы простите меня.

Оксана ШПИЛЬКО

Всё пройдёт

Ветер прочь унесёт
От обид, от забот и невзгод.
И печально струна
Прозвенит о почившей мечте.
Всё когда-то пройдёт,
Даже этот заплаканный год,
Поглумившись сполна,
Растворится в мирской суете.

Молча слёзы смахну,
Постараюсь простить и забыть.
То, что рвётся внутри
Диким криком, рыданьем взхлёб.
И по новой начну
Верить, думать, смеяться, любить!
Эх, бывшее!.. Гори!..
Всё пройдёт, непременно пройдёт!

* * *

Потухший взгляд. Дежурное «пока»
Устало бросишь, громко хлопнув дверью.
И свой прошедший день, наверняка,
Вновь назовёшь привычною потерей.

Пустой трамвай уныло заскрипит.
Кондуктор молча оторвёт билетик.
А за окном рекламами пестрит
Холодный город, где никто не встретит...

Придёшь домой, доешь вчерашний суп,
Залезешь с головой под одеяло.
И вдруг слетит с дрожащих нервно губ:
«О, Господи! Ну как же я устала!»

На семь часов будильник заведёшь.
Возьмёшь блокнот, напишешь пару строчек.
Себя уверишь, что любви не ждёшь,
В душе надеясь, будто между прочим...

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ИСТОКИ» П. КИЧМЕНГСКИЙ ГОРОДОК

Александр БУБНОВ

* * *

Снова лето не удалось,
Только я не буду грустить,
Задавлю в зародыше злость,
Будем жить, люди, будем жить.

Баньку жаркую натоплю,
Приглашу я верных друзей,
Паром ярым их утомлю,
Сразу станет жить веселей.

Будет долго веник гулять
По пунцовым спинам парней,
А они все просят поддать,
Хорохорятся, кто «крепчей».

Потом вылетят все гурьбой,
Только хлопнет в парилку дверь,
Ждет нас жбан с ледяной водой,
Это кайф, хоть верь, хоть не верь.

Обновивши тело с душой
И грехи водичкою смыв,
Разомлевши, идем домой,
Полотенцем себя прикрыв.

Щедрый стол накрыт уж давно,
И жена хлопочет вокруг,
Разолью в бокалы вино,
Тост за дружбу поднимет друг.

А потом запоем баян,
До небес распахнется душа,
Я от счастья сегодня пьян,
Значит, жизнь-то все ж хороша.

Значит, лето все ж удалось,
И чего тут бога гневить,
Прогоню уныние и злость,
Будем жить, друзья, будем жить!

Светлана ВЕРШИНИНА

Покровская суббота.

Отложу-ка всю работу,
Все заботы - стороной.
На Покровскую субботу
Отправляюсь я домой.

Быстро - быстро собираюсь,
Ждать автобус не хочу,
На попутках добираюсь
Сколько надо, заплачу.

Здравствуй, лес, родник, река!
Золотые облака
Привели меня домой,
В край любимый, в край лесной.

...Нет отца, молчит гармошка.
Тихо в доме. Ужин прост.
Стынет вечер за окошком,
Завтра с мамой - на погост.

День мне этот очень дорог,
Только мучает вопрос:
Мама выдержит ли волок?
Путь не близкий - восемь верст.

...Солнце встало над полями,
Спеленал реку туман,
Потянулся над лесами
Птиц последний караван.

Мама, чуть светло, хлопочет,
Мне не спится поутру,
У соседа Петя квохчет
Холодок не по нутру.

Вот на кладбище из дома
Мы отправились пешком.
Та дорожка мне знакома,
Мама рядом - с батожком.

Тишь в лесу стоит такая,
Даже дятел вдруг затих.
По тропе идем, сбивая
Белый иней с трав лесных.

Понемногу утро тает,
Но дорога сонная.
Я иду. Со мной шагает
Грусть моя бездонная.

Тишина. Оглохнуть можно.
Воздух холоден и чист.
На плечо мне осторожно
Упадет озябший лист.

Ветра нет — в пути бродяга.
Сосны, ели не шумят.
Как еловую корягу
Приукрасил листопад!

На повалённой березе
Мы присели отдохнуть,
Подкатали к горлу слёзы.
Помолчали - дальше в путь.

Впереди рекой широкой
Расплескались небеса.
Заросли глухой осокой
Две речушки - Партаса.

На ольхе сидит синичка,
Нас, приветствуя, звенит.
Подойдем - и нет певички,
Встреппенется, улетит!

Речка, лава да косматый
Ельник под селом стоит.
Словно странник бородатый,
Неприветливо глядит.

Видно кладбище в низине,
Тут сороки не галдят...
По обочинам машины
Чинно в два ряда стоят.

Нам пешком хватило силы.
Вот добрались наконец.
У родной стою могилы:
- Здравствуй, вот и я, отец!

Татьяна ВЕТРОВА

* * *

Не обрезайте мне крылья, пожалуйста!
Счастье - полет без границы.
Не сострадания прошу и не жалости,
Просто вы тоже все - птицы.

Только забыли про небо, раздавлены
Грузом забот суеты повседневной.
Воздухом клеток злаченных отравлены,
Вы даже смотрите редко на небо.

Вспомните! Утром проснитесь и вспомните:
Крылья даны для любви, для свободы.
Смысл этой жизни мечтою наполните,
Вновь обрета
Широту небосвода!
Две птицы
Мы с тобой - две раненные птицы,
Где-то потерявшие своих.
Нам к чужим уж поздно, не прибиться.
Друг ко другу тянет нас, двоих.

Повинуясь этому порыву,
Болью старых ран пренебрегли -
На краю смертельного обрыва
Оторвали крылья от земли.

Как легко и радостно нам было
Вместе в небе ласковом парить!
Только счастье облаком уплыло,
Чтобы нас в реальность возвратить.

Осознав нелепость положенья,
«За» и «против» трезво оценив,
Делаем неверное движение:
В стороны! А дальше -
камнем вниз!

...Мы с тобой - две раненые птицы,
Где-то потерявшие своих.
Нам к чужим уж поздно, не прибиться.
Друг ко другу тянет нас, двоих...

* * *

Сердце разрывается, когда
Осознав предательство, рыдает.
Сердце обнажается – беда
Раненое сердце обнажает.

Как же уязвим тогда комок
Теплой жизни в сумрачном тумане.
Как же хрупок этот огонек,
Ветер дунет, и...
его
не станет...

Сергей ДОРОЖКОВСКИЙ

* * *

Грибные дожди, лучезарные, светлые,
По здешней округе прошли, не спеша
И в роще берез, под березами летними,
От шума людей отдыхает душа.

Бреду наугад, мне пути не заказаны.
В примятой траве - молодые грибы.
Любуясь на них, не срезаю я сразу их,
Они для меня, как подарок судьбы.

Грибные дожди, приносящие радости,
Прольются в ночи на леса и луга.
И вздрогнут листвой освеженные заросли.
О, жизнь на земле, ты мне так дорога!

И сколько бы гроз ни прошло над Россиею,
И сколько б ветров ни промчалось над ней,
Пожалуй что нет веселей и красивее
Негромких и теплых грибных дождей!

* * *

Летний дождь спутал травы заречные,
Прошумел и ушел за леса.
Ребятишек веселых беспечные
По заречью звенят голоса.

А за городом пенные лужицы.
Здесь качается шмель на цветке,
И пчела над обочиной кружится
И в деревню летит налегке.

День сегодня такой удивительный -
Южный ветер струится тепло!
Чистой влагой омыты живительной,
Небеса засияли светло!

Змей бумажный чудесною птицею
Вновь парит над шоссе в синеве.
Хорошо на душе! – уж не снится ли
Этот день замечательный мне?

Летний дождь спутал травы заречные,
Прошумел и ушел на восток.
И волнуются струны сердечные,
И трепещет на ветке листок...

* * *

Земляника в траве покраснела,
Оплетая на вырубке пни,
И трава зверобоя несмело
Зацветает в погожие дни.

Мы придем сюда в тихое утро,
Когда солнечный ясный свет,
В сосняке зажигаясь будто,
Оставляет на сердце след.

Ах, какие чистейшие росы
В это лето! Ну, здравствуй, сосна.
А березка зеленые косы
Заплетает уже после сна.
Ветерок забирается в ветви,
Отдыхает, а воздух такой,
Что в минуты счастливые эти
На душе абсолютный покой.

...Высыхает роса, словно слезы,
Не спеша разгорается день.
До свидания, сосны- березы,
С земляникою ягодой пень!

Татьяна КОЛОСОВА

* * *

Если б я могла без тебя, то жила.
И ссылалась, не любя, на дела.
А пока, поверь, не могу.
Ты закроешь дверь, не сбегу.
Постою, робея, одна.
Может быть, тебе я нужна.
Ну а если нет, что уж тут.
И один ответ - здесь не ждут.
Пожелаю счастья с другой
Ты мне неподвластен, друг мой.

* * *

Бессовестно деревья обнажились,
А на дворе пока еще сентябрь
Опять перед природой провинились,
И спутала она свой календарь.
И солнышко запрятала за тучи,
Как зеркало в лохмотья старой шали.
А мы надеялись, что будет лучше.
Выходит, что напрасно чуда ждали.
И вот уже зима не за горами,
К ней души наши вовсе не готовы.
О Господи! Да что же будет с нами?
Переживем, лишь были бы здоровы.

Татьяна МАКАРОВА

* * *

Этот вечер огнями расцветен,
И летают везде комары,
Прохлада щекочет мне плечи,
И нет здесь палящей жары.

Кузнечиков слышно трещанье,
Серьёзен и хмур старый бор,
То слышно природы молчанье,
То снова ведёт разговор.

И снова, как в детстве далёком,
Нисколько не хочется в дом,
Ещё поброжу одиноко,
Чтоб вспомнить прогулку потом.

Родное до боли крылечко,
Родной, но заросший весь сад,
И вижу: берёзы, как свечи,
Стоят у подгнивших оград.

И пусть я, как в детстве, трусиха,
Мы с птицами песню споём.
И снова становится тихо,
Как в детстве, на сердце моём

* * *

Безлюдная улица. Вечер,
Холодные капли дождя.
На станции слышу: диспетчер
Вдруг рейс объявил для меня.
А капли, холодные капли,
Как слёзы, размазали тушь,
Как грустно теперь, только вряд ли
Вернусь в эту милую глушь.

Я всё оставляю, что было,
Открыта для новых ветров,
Как будто я что-то забыла,
Оставила в призраке снов.
Вперёд. Уже вечер проходит,
И дождь этот вечный пройдёт,
И сколько дороги ни водят,
Куда - то одна приведёт...

Галина НЕКИПЕЛОВА

* * *

Прости, прощай, мой день угасший,
И прошлогодний милый снег.
Прости, прощай, бывшее счастье,
Весна спешит - покоя нет.
Живи и здравствуй, день грядущий,
Все старое пойдет на слом.
Живи, живи, ручей, бегущий
Сквозь чащу леса напролом.
Что впереди - еще не ясно,
Еще блуждаешь ты впотьмах.
Но веришь, веришь, что прекрасно
Там, впереди. Ну прочь же, страх!
Спешишь, не ведая покоя,
Я знаю, в море держишь путь,
Живя одною лишь мечтою -
Сильнее, шире стать чуть-чуть.
Вот так, спеша, стремились к цели
Ручьи в свой первый трудный путь.
И только волны тихо пели:
Мы вместе - море! В этом суть!

* * *

Только как мне жить на свете...
Всюду слышу голос твой.
И зачем мне, вольный ветер,
Ты принес его с собой?

И на небе, и в озерах
Синева любимых глаз
Расплескалась на просторах,
Искупаюсь в ней сейчас.

Утону в озерах синих,
Затеряюсь в глубине,
Чтоб с тобою, мой любимый,
Быть повсюду на земле.

Михаил РЫБИН

Март

Нахожу везде весны приметы:
Ярче солнце, плавятся снега
И туман, окутавший полсвета,
Как куделя, лег на берега.

Вот блестит сосулька, словно орден,
Воробьи под стрехами снуют,
В желобах, повернутых на полдень,
Водяные гусельки поют.

Ждет земля весну - свою подругу,
Люди ждут, надеждами полны,
Но снегов каленые заструги
У избы с полночной стороны.

Я и сам по-зимнему, неловко
Подбираю рифму для стиха,
Но в логу с названием Тереховка
Уж звенит сережками ольха.

Прянут птицы в синие прогалы,
Закружатся в танце в вышине,
Забурлят, заходят снеготалы,
Словно брага в старом лагуне.

13 января 1949 года.

На перекрестке всех времен,
На перекрестке всех метелей
Крестьянской женщиной рожден
Я был без страхов и сомнений.

Еще шинельное сукно
Не износило благородства,
Слюной горячею текло
Послевоенное сиротство.

Еще не плакал полигон
Слезой расплавленного камня,
Еще страну правил он -
Великий Сталин - наше знамя.

Уже в истерзанной стране,
Как пули, зрели гроздь гнева,
Уже проклюнулись в тепле
Росточки нового засева.

А мир - расколотый арбуз
Валялся несоединимый:
Войны последней тяжкий груз
Давил, давил неумолимо...

А я спокойно обмарал
Пеленки из германских шмоток
И жизни гимн во мне звучал
Торжественной высокой нотой.

Татьяна СМЕРНОВА

* * *

Я плакала в широком поле,
Припав к земле сырой щекой.
Моей сочувствовали доле
Березы белые с рекой.

Березки что-то лепетали
И ветерок гулял средь крон.
Они мне ласково шептали:
«Прими все, милая, за сон»

Вдруг встала радуга над полем
Широкой пестрою дугой.
И, подчинившись чьей-то воле,
Я увидала жизнь иной:

Вверху синеющее небо
И роскошь белых облаков
Слагали вычурную небыль,
Лишая всех меня оков.

Беззвучно плакали березы,
Роняя в речку желтый лист.
Трещал в траве кузнечик скучно,
И небосвод вдали был чист.

* * *

Белое небо и ветер злой.
Счастье, что мечется он за стеной.
Зря он беснуется, не любя,
Память расстанется с ним, не скорбя,

Вновь предстоит проложить маршрут,
Время и мысли покоя не ждут.
Что же там, что же там за стеной?
Лишь бы удача осталась со мной.

Лишь бы мой друг не забыл меня,
Лишь бы победы дразнили, маня,
Лишь бы изведать, что за горой,
Лишь бы навеки остаться собой.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «РОДНИК» П. ПОДОСИНОВЕЦ

Светлана ГМЫЗИНА

Наши дети

Наши дети — наша боль и радость.
Наши дети — наша юность, наша старость.
Наши дети — наша правда, наша совесть,
незаконченная жизненная повесть.
Наши дети — наших действий отражение,
наших слов и наших мыслей воплощение.
Наши дети — наша слабость, наша сила.
письмена, что день за днем судьба чертила.
Наши дети — наши судьи, наши боги,
наши дети — наши трудные дороги.
Наши дети нас прощают и жалеют,
любят так, как лишь они любить умеют.
Наши дети — это смысл нашей жизни,
это будущее края и Отчизны.
И поэтому мы все за них в ответе:
продолженье наше — это наши дети!

Свое счастье

Нет, не боги горшки обжигают! —
справедливо заметил народ.
Несчастливой судьбы не бывает —
каждый сам свое счастье кует.

Это так! и к чему тут лукавить, —
мы порою в мелькании дней
забывали кого-то поздравить,
быть к кому-то чуть-чуть понежней.

Мы спешим, подгоняя минуты,
мы торопимся всюду успеть —
и опять забываем кому-то
одинокую душу согреть...

А потом, негодуя и плача,
хоть кого мы готовы винить
в том, что вновь отвернулась удача,
не стараясь понять и простить.

Не задумываясь, не жалея,
на прошедшее машем рукой.
Радость жизни ценить не умея,
мы теряем душевный покой.

Но в момент озаренья, однажды,
оглянувшись на пройденный путь,
понимаем — в одну реку дважды
никому не удастся шагнуть.

Из мозаики слов и поступков
каждый сложит свое полотно,
и любому, пожалуй, доступно,
чтобы красочным было оно.

Чтоб, взглянув на него, стало ясно,
как ты жил и чего ты достиг...
Пусть же будет благим и прекрасным
каждый день, каждый час, каждый миг!

Ольга КУЗНЕЦОВА

* * *

Она придет.
За осенью зима.
Откроет настежь
Душу.
Заморозит.
И отыграется
Сполна
За все,
Что по весне
Порой тревожит...
Придет зима,
Уж иней серебрит
Мои виски,
Мои слова и мысли.
И будем с ней
Взаправду
Мы близки,
И будем вместе
Мерзнуть от тоски,
Сдувать снежинки
Прилетевшей грусти...

* * *

Акварельные просторы
По весне,
Вдаль лесные косогоры —
Ель к сосне...
Белый всполох
От черемух и рябин
И берез зеленый шорох,
Неба синь...
А ночами ошалели
Соловьи,
Жаворонок примет утро
У зари...

Акварельные просторы,
А в луга
Разлетятся брызги скоро —
Жемчуга.
Янтарем и перламутром
На холсты
Расплескал художник будто,
Уходя с пленэра утром,
В мир
 цветы...

* * *

И выпал первый снег,
И постарели ели,
И чей-то легкий след
Заметен до метели...

И серебром трава
Под солнцем заблестела...
Застывшие слова —
Не выпущены стрелы...

И зазвенел мороз
Листочками березы,
И обкрошил всерьез
Горящий цвет мимозы...

* * *

Были звезды —
Сплошь алмазы,
Пахло сыростью и тленьем...
По осколкам звездопада
Шла зима с большою ленью.
А в окне огонь лампы
Сквозь худую занавеску,
Из трубы полоска чада —
Недотопленная печка...

Были звезды,
Были окна,
Был наш дом, была деревня,
Но следы ее промокли
И исчезли слабой тенью...

* * *

Сон-трава на поляне,
Где-то леший в тумане
Пробирается в чаще лесной.
Что увидит, не знаю —
Без начала и края
Бурелом у реки голубой...

Здесь и сосны, и ели —
Корни держатся еле
За обрывистый берег крутой.
До воды не добраться,
Стоит ли удивляться
Станным теням в реке
 ледяной...

Татьяна КУРДЮМОВА

Азбука сердца

Шестому чувству тесно в скорлупе
Увоенных рассудком мертвых знаков.
Под слоем слов заемных отупев,
Холодный мозг бесплодно одинаков,
Пока в груди дремавшее зерно
Не вскроет смыслов скользкие наросты,
Пока корнями не прорвет оно
Неведенья младенческой коросты.

Прижму рукой. Под кожей: «Тик-тик-так».
Сегодня — метроном, а завтра — мина.
Зачем волнуясь отбивает такт
Слез и улыбок скрытая причина?
Морзянку эту разгадать хочу,
Чтобы себя читать без перевода.
Но логике не поддается чувств
Сумбурных безотчетная природа...

И мне не уберечь запретный плод,
К которому слепая страсть стремится.
Но, наудачу подбирая код
Гармонии, так просто ошибиться.
И для меня родство влюбленных рук
Надежнее сухих идеологий.
Но все тесней обыденности круг,
Непроходимей вглубь себя дороги.

Там память восстанавливает связь
Со всем, что умерло, живет и будет.
Маячит пульсом, не дает пропасть
В потоке мутном праздников и буден.
Пусть суждено, как ты ни прекословь,
Желаньям воевать между собою.
А сердцу пить бунтующую кровь —
Лекарство от могильного покоя.

Пусть разрывается от боли, но
Цветет в пустыне страхов и абстракций.
Ведь рядом с тем, что в нем воплощено,
Все остальное — смена декораций.

Лариса ЛЕБЕДЕВА

* * *

Ты умер для меня. Погасли свечи.
В душе, как в яме, пусто и темно.
И вспомнить бы, да оказалось, нечем,
А плакать — слезы высохли давно.
Покой и равнодушие нынче гости
В моем дому, уставшем от обид.
Ни горечи, ни радости, ни злости —
Все глухо, даже сердце не болит.
Но все ж когда-нибудь, я в это верю,
Нежданный путник к дому подойдет,
Улыбкой опалив, откроет двери,
Устроит кавардак и все вернет.

* * *

Ну вот и всё. Домой . Всё по местам.
У каждой песни есть конец куплета.
И у моей, и ей черед настал
Кончатся, хоть она и не допета.
Я улечу, но заберу с собой
Все дни, до самой маленькой пылинки,
Где я с тобой и где я не с тобой,
Перелистаю память, как картинки.
Щелчок ремней, предстартовая дрожь.
И Ленинград уже несется мимо.
А без меня здесь будет капать дождь
И Челентано петь «Мадонна мия».

* * *

Нам отпущено жить так мало,
Наша жизнь на Земле — пустяк.
Только я не о том мечтала
И загадывала не так.

Мне хотелось, как в старой сказке,
Чтоб и счастье, и красота.
Спущен занавес, сняты маски,
Да и я уж давно не та.
Оказалось, все очень просто,
Ни к чему гадать-ворожить...
На Земле мы всего лишь гости,
Персонажи в спектакле «Жизнь».

Алексей МАМОНТОВ

Лесорубы

Ель верхушкой качнула —
Сучья-пули летят,
Хорошо увернулись,
Не задело ребят.

Нет сюда и дороги,
Снег, земли не достать.
Свои длинные ноги
Лось здесь может сломать.

Тут работа такая —
Не пеньки колотить.
Неумеху, лентяя
Может просто убить.

Трактор выплывет вальсом,
И хватает всем дел.
Вроде лес и остался,
Только чуть поредел.

Тракторист постарался
Среди кочек и ям,
Чтобы лес тот достался
Завтра и сыновьям.

Встану я на рассвете,
Принесу дров сухих.
Все годятся мне в дети,
Я же сторож у них.

И одна лишь забота —
Заварить крепче чай.
Как придут на работу:
Дед, гостей, мол, встречай!

Все ребята зубасты —
Пальца в рот не клади.
Перекуры не часты —
Только пот охладить.

Говорят мне шутливо:
Дед, мол, топишь не так.
Мало топишь — ленивый,
Печь нажаришь — дурак.

Кто трудился, оценят,
И оценка строга.
Острым словом подцепят,
Словно бык на рога.

Перекур, как награда, —
Долго медлить нельзя.
Заработать-то надо.
Дома дети, семья.
А на лицах забота.
Смерть и жизнь на весу.
Нелегка же работа
Лесоруба в лесу.

Надежда МОХИНА

Проводы

Первые три повестки пришли в Стрюково на следующий день после объявления войны. Три дня было дано на сборы, и уже 26 июня деревня провожала новобранцев.

Двадцатидевятилетний Павел сказал матери: «Суши сухари. Скоро и моя очередь». Каждый день был наполнен гнетущим тревожным ожиданием, но деревня продолжала жить и работать.

В то июльское утро всё было как обычно, каждый занят своим делом. Павел на тракторе пахал пары в соседнем колхозе, мать была на сенокосе в полутора километрах от дома, Панька вместе с другими подростками возил навоз из частных хозяйств на колхозные поля. Дома остался только шестидесятилетний отец, который уже не мог работать на сенокосе, но мастерил во дворе грабли для колхозников. В одиннадцать часов около ворот раздался конский топот. Отец поднял голову и почти прямо над собой увидел всадника, резко осадившего жеребца.

- Здесь живёт Павел Буторов?

- Здесь, - выронив из рук свежеструганный черенок граблей и сразу же почувствовав, как тяжёлым молотом ухает сердце, ответил отец.

- Повестка ему. Сегодня в два часа быть на сборном пункте на Старине. Всадник уже развернул коня, как вдруг, опомнясь, отец закричал:

- Стой! Стой! Так ведь он в другом колхозе. Как ему сообщить?

Нарочный снова взял повестку и во весь опор помчался в указанное место.

Панька только что нагрузил навозом телегу и хотел везти в поле, как заметил спешащего навстречу отца.

- Панюшка, беги к матери, Павлу повестка!

Мальчишка бросил поводья и не чуя ног помчался к лесу. Мать издали услышала встревоженный зов сына, в котором звучали слёзы и страх.

- Павел?! — воскликнула она.

Не в силах ответить, Панька кивнул головой, и слёзы, давно наполнившие глаза и готовые пролиться в любую секунду, ручьями заструились по лицу. И только когда вместе с матерью подбежали они к дому, Паня сказал ей, что Павлу надо быть на сборном пункте уже через два часа. Мать сдавленно вскрикнула, всплеснула руками, заполошно заметалась из избы на улицу, с улицы в избу. Запричитала, что мало заготовлено сухарей и что баньку истопить на дорогу уже не успеть. Разжигая угли в самоваре, что-то суетливо собирая в котомку, она то и дело всхлипывала и прикладывала к покрасневшим глазам концы тёмного старушечьего платка.

Подоспел Павел. Снял перепачканную мазутом робу, налил в ушат воду, нагретую в самоваре, и ушёл мыться на поветь.

Мать снова залила воды, добавила горячих углей, загрузила в самовар яйца. Панька успел сбегать за лошадью. Председатель разрешил взять самую резвую, светлой масти Чайку.

Времени оставалось всего ничего. Наскоро собрали стол. Павел не прикоснулся к еде. То обнимая братишку за плечи, то ласково ероша рукой его стриженный затылок, несколько раз повторял родителям: «Берегите Паньку, он ваша опора в старости».

Несмотря на страдную пору, в деревне собрался народ. Услышавшие на ближних сенокосах о

повестке Павлу, поспешили проститься с ним. Кто-то сказал или это решилось само собой, но сразу было ясно, что везти Павла придётся Пане. Мать доехала с сыновьями до речки Варжи, а потом долго смотрела им вслед уже без слёз и без сил, прислонившись спиной к толстому стволу дерева. Выехав за пределы своего колхоза, Павел вздохнул: «Прощай, родимая земелюшка, - и помолчав, добавил, - Свидимся ли?»

В деревню Старина подъехали точно к сроку. Уже началась переключка. Наконец, все были в сборе, и ближе к вечеру к райцентру двинулась целая вереница подвод.

В Усть-Алексееве Паня был только однажды, дорога была незнакома, но он ехал не один, и как-то просто не пришло в голову оглядывать и запоминать путь.

Вот и райцентр. На площади — толпы народу, прибывшего со всего района, множество военных, отдающих распоряжения, сверяющих списки, делящих новобранцев на группы. Дали время на ужин. Павел повёл Паню в столовую. Сидя за столом, смотрел, как ест проголодавшийся братишка, а сам снова до еды не дотронулся.

Тёплый июльский вечер вдруг стал хмуриться. Поднялся сильный ветер. Резко стемнело, хотя обычно в эту июльскую пору смеркается только ночью всего лишь на час-полтора. В темноте продолжали сновать люди, слышались окрики военных и милиции, женский плач. К этим звукам добавилось сначала недовольное урчание грома, затем оглушительный треск. Белую летнюю ночь накрыла зловеющая чернота, разрываемая ослепительными зигзагами молний.

Но вот толпа стала суетливее, громче команды, пронзительнее плач. Подъезжали машины-полуторки, на которых новобранцы должны

отправляться дальше, до Великого Устюга. Призванных было так много, что в кузов они входили только стоя, один к одному. Зачитывались списки на каждую машину, и с каждой названной фамилией всё больше слышалось истошных воплей и причитаний. Дождь, стоящий сплошной стеной, гром, молнии, бабий вой, милиция, оттаскивающая вцепившихся в борта машин женщин, — вся эта страшная картина человеческой трагедии часто потом всплывала в памяти уже взрослого Пантелеймона, особенно когда он смотрел бодрые послевоенные фильмы, где отправление на фронт изображалось с гармонью, с плясками и частушками. Нет, не такими были те проводы.

... Паня вздрогнул, услышав, что называли Павла. Старший брат подхватил младшего под мышки, приподнял: «А ну-ка, не реветь! Теперь ты в доме мужик.» Попытался улыбнуться: «Читай газеты, может, и обо мне напишут. Буду воевать хорошо». Крепко прижал братишку к себе, потом поставил на землю, забросил на плечо вещмешок и не оглядываясь побежал к машине.

— Павел! Па-а-вел!!! — кричал Панька, быстро потеряв его из виду. Из машин прощально махали, и мальчик силился разглядеть в плотно утрамбованном людьми кузове своего брата.

Полуторка нырнула в черноту грозовой ночи, и уже оглашался список на следующую. Надо возвращаться. Паня огляделся. Попутчиков уже не было, видимо, их родственников отправили на первых машинах. Ехать обратно по размытой дороге под зловещее грохотание и огненные всполохи предстояло одному. Мальчишка почувствовал озноб, попытался подгонять лошадь, но молодая кобылица утратила свою резвость, погружая копыта в раскисшую глину.

Плотно обложившие небо тучи по-драконьи изрыгали огонь, от каждого нового грохота худенькие Панькины плечи вздрагивали всё сильнее и сильнее, холодные струи дождя стекали по лицу и по прилипшей к продрогшему телу рубашке. И страх перед разбушевавшейся стихией, и боль расставания с любимым братом, и ещё что-то неведомое и тяжкое теснилось в груди ребёнка, но пересиливая себя, он старался как можно бодрее окрикивать Чайку, которая испуганно шарахалась в стороны или взвизывалась на дыбы при каждой ослепительной вспышке. Тонкий, срывающийся мальчишеский голос, поглощаемый львиным рыком грома, далеко не всегда достигал слуха обезумевшей лошади. Выбиваемые копытами комья грязи смачно шлёпались на телегу, и Паня давно уже не мог определить, эта ли дорога должна привести его к дому. А она с каждым шагом становилась всё труднее. Под колёсами телеги, наполовину проваливавшимися в вязкое месиво, уже почти совсем не чувствовалось тверди. А когда на какие-то мгновения стихали гроззовые раскаты, слышались журчащие и булькающие звуки потоков, несущихся с каждого взгорка и грозящих вконец размыть путь.

Холодная змейка страха, закрывшаяся в сердце мальчишки, превращалась в леденящий ужас; казалось, вот-вот стихия поглотит и его, и дорогу, и расхлябанную повозку. Уже не стесняясь показать свою слабость (да и перед кем? — кругом были только ночь и гроза), Паня заплакал навзрыд, опустил поводья и полностью отдался на волю лошади.

Но вот грохот стал откатываться всё дальше и слышаться всё реже, чёрное небо посерело, и мальчик с радостным изумлением увидел, что измученное животное не сбилось с пути.

Сквозь сумрак прорисовывались избы знакомой деревни, от которой до его родной — рукой подать. Небо на востоке постепенно окрашивалось в сиреневый цвет, дождь кончился. С восходом солнца подъехал Паня к своей деревне. Увидев первые дома, почти сразу же заметил и бегущую навстречу мать.

— Жив! Жив! — плача и прижимая голову сына к своей груди, без конца повторяла она.

Паня уже не помнил, как сняли с него грязную, мокрую одежду и закутали во что-то тёплое; как отец распрягал Чайку, шепча: «Слава Богу!»; и как сам он бессвязно и невпопад отвечал на расспросы о Павле. Глубокий сон сморил мальчонку.

А наступающий день не обещал быть лёгким, как и каждый последующий день этих страшных четырёх военных лет. Той грозовой ночью навсегда простилось с Паней детство: теперь он был единственным помощником стареющих родителей и главным работником в семье. Да, впрочем, и Панькой он оставался ещё недолго, совсем скоро в деревне стали называть двенадцатилетнего мужичка уважительно Пантелеймоном.

... А от Павла было всего два письма. Одно с дороги, где снова повторялся наказ родителям: «Берегите Паньку», да второе: «Всё моё продавайте, не голодайте. Вернусь — снова наживём». Оно было из-под Ленинграда, с того самого «пятачка», который, как писалось впоследствии в газетах и книгах, был полностью перепахан вражескими снарядами и где людские тела перемешаны с землёй...

Больше писем не было...

Была похоронка.

Артем ОСТРОВСКИЙ

Улицы слёз

Красивая форма стекла
скрывает в себе самое большое зло.

Люди стояли бледнее, чем снег
Белой холодной январской зимы.
Как опуститься так мог человек?
Мог, и тому доказательство — мы.

Мы заливали в себя алкоголь,
Мы утонули в искристом вине.
Выпили с горя — прошла наша боль.
Время — и вот мы забылись во сне.

Мы ни за что не хотели признать
Слабость свою перед трезвым лицом.
Вся наша жизнь — магазин и кровать.
Вся наша жизнь пропиталась вином.

Мы выходили на улицы слез
С первым дыханьем пришедшей весны
И задавали друг другу вопрос:
Есть ли такие, кому мы нужны?

Мы получали один лишь ответ
И начинали истошно орать.
Мы ненавидели весь этот свет,
Мы, алкогольно-табачная рать.

Пьяные годы прошли на ноже,
Время тащилось по нашим следам.
Все пораскалялись поздно уже:
Время не верило нашим слезам.

Где-то вдали прокричали отбой.
Вот и пора, нам сказали: «Пора!»

Завтра в последний решающий бой
Нас поведут протрезвевших с утра.

Люди стояли бледнее, чем снег
Белой холодной январской зимы,
Нет человека, но был человек!
Нет больше нас, но ведь были же мы!

Под дождём

Я помню тот день проливного дождя.
Навряд ли он будет из памяти стерт.
Я буду к нему возвращаться всегда.
Как авиалайнеры в аэропорт.

И я не жалею (не знаю, как ты)
Ни времени и ни потраченных сил.
И сердце мое разрывалось в груди,
Когда я тебя на руках возносил.

Омытые чистой водою дождя,
Открывшие счастье ценою улыбки,
Мы что-то упорно друг другу твердя,
Заметь, незаметно промокли до нитки.

Как все же прекрасно, что это не сон.
Прекрасно, что это был сон наяву.
И тот колокольный возвышенный звон
Напомнил о том, для чего я живу.

Закрою глаза, и тотчас на экран
Выходит богиня земной красоты:
В промокшие джинсы одет её стан,
В промокшую куртку... Да, да, это ты!

Омытая чистой водою дождя,
Открывшая счастье ценою улыбки,
Ты что-то упрямо в лицо мне твердя,
Заметь, незаметно промокла до нитки.

Любовь ПЕТУХОВА

В цепочке жизни

Мне каждый день - судьбы подарок:
И солнца луч, и час заката,
И тот простой букет фиалок,
Что ты мне подарил когда-то.
И океан безбрежный неба,
В нем мой корабль под парусами,
И каравай душистый хлеба,
Что нам пекла когда-то мама,
И хоровод янтарных сосен,
А на лугу ромашек море,
И золотая наша осень —
Восторг, надежда, радость, горе.
Ручей хрустальный вновь разбудит
От зимних снов леса и землю.
И все, что было, есть и будет,
Я с благодарностью приемлю.

* * *

Испить полынь из чаши судеб Божьих,
Наверное, не каждому дано.
Однажды дочь спросила маму: «Можно ли
Убрать в цепочке ржавое звено?».
Увы, но все со временем тускнеет,
Теряя прежний блеск и красоту.
И каждый, кто как может и умеет,
Поддерживает в доме чистоту.
Легко давать совет и поученья
И на словах костыли за друга лечь...
Однако, дочка, все в цепочке звенья
Необходимо чистить и беречь...

* * *

Ты вернулся, обнял, успокоил
И развеял сомнения прочь.
Этот миг дорогого нам стоил
И была восхитительной ночь.

Поняла все. Смиренно простила
И прогнала из сердца печаль.
А любовь не ушла, не остыла,
Потому как Господь нас венчал.
Никого не клянусь, не терзаю,
Эту чашу должны мы испить.
Я теперь понимаю и знаю,
Как легко и непросто любить.

* * *

Увидеть вечность в повседневности,
Как в споре истину найти.
Ведь мы порой в объятьях ревности
Все сокрушаем на пути.
А ревность суть гордыня с завистью,
Огонь такой любви раним.
Ах, как мне эта фраза нравится —
«Что мы имеем — не храним»!

* * *

За все Тебя благодарю:
За свет в окне и радость встречи,
За нашу летнюю зарю,
За этот тихий зимний вечер,
За то, что рядом столько лет!
За дочку, сына, наших внуков,
За мудрый вовремя совет
И за смирения науку.
Благодарю, что в трудный час
Ни на минуту не оставил.
За то, что любишь грешных нас,
На путь спасения направив.

Олег ПИНЕЖАНИН

Осенний сюрприз

Вот опять я тропой неприметной
То по вырубке, то по чаще
Пробираюсь порой предраассветной
С первобытным восторгом в душе.

Осень нынче с приятным сюрпризом,
Тешит нас необычным теплом.
Воздух чистый лучами пронизан
И не пахнет ничуть октябрём.

Осень карты открыть не стремится,
Бабье лето играет на «бис».
Пересохли ручьи — не напиться.
Вот такой он, осенний сюрприз.

Громко каркнул встревоженный ворон.
Он на страже и ночью, и днем.
Подчиняясь таежным законам,
Объявляет всеобщий подъем.

Заскреблось, зашуршало в подсаде
И стрелой — в неприятельский стан.
Из багряных небес, из засады
Солнца луч распоясал туман.

И хотя мне маршрут не в новинку,
С удивленьем натруженный взор
Отмечает: топчу не тропинку —
Совершенной работы ковер.

Поработала осень на славу,
Без сомненья, трудилась не зря.
Запаяла в цветную оправу
Остывающий жар сентября.

И ушедшего лета приметы,
И весны отшумевшей дурман,
И мифических птиц силуэты —
Колорит экзотических стран.

Представляю глаза антиквара:
В них в недуг возведенная страсть,
Обнаженная сущность кошмара —
Не купить полотно, не украсть.

Не украсить роскошные залы,
Не утешить любимой каприз.
Это русской глубинки анналы,
Если проще — осенний сюрприз.

* * *

Сломалась сумрачная высь,
Упала с грохотом.
Похоже, демоны взялись
Плясать нечистую на бис
С ужасным хохотом.

Воды бурлящей полоса,
Пучками молнии.
Возможно, это не гроза,
Терпеть устали небеса —
Грехи припомнили.

Трудов неправедных плоды
Растут и множатся.
И что же ждет нас впереди?
Тоска холодная в груди.
Как дальше сложится?

В порочный круг, целуя крест,
Уж так заведено,
Безумный ангел в пляску влез.

Пошла игра на интерес —
Не в «слабое звено».

Приемлет с трепетом земля
Происходящее.
Листвой печально шелестя,
Лежат в канавах тополя.
Дела пропащие.

Крестясь, продвинутый пророк
Для назидания
Кончину скорую предрек.
Мол, только выйдешь за порог —
И до свидания.

Какой нерадостный прогноз!
Но ставки выросли.
В небесной пляске перекос,
Пошли нечистые вразнос,
Святого вынесли.

Пророк отметил: «Не жилец,
Беднягу как знобит».
И за свое, каков подлец:
«Сейчас-то все, сейчас конец
У света должен быть».

Да только вот повисла тишь —
Фальшивил наш пророк.
Разруха есть — дома без крыш
И, как поломанный камыш,
Опоры вдоль дорог.

Не надо жизнь воспринимать,
Как счет по векселям.
По жизни этой наугад,
Глаза зажмутив, ковылять,
Как будто по углям.

Лови моменты — пей озон.
Быть ни к чему крутым.
А что грехи? Кошмарный сон.
К чертям не надо на поклон.
Покаемся святым.

Станислав РЕСНЯНСКИЙ

Предзимье.

На улице очень неуютно: темно, сыро, прохладно. Только отошел от дома, начался дождь — частый, мелкий, нудный. По времени пора солнцу взойти, но оно спрятано в многослойном покрывале темных туч.

Попряталось всё, что ползает, бегают, летает. Под большой сухой раздвоенной березой куски бересты. Стволы продырявлены лесным санитаром — дятлом. А работника нет, где-то пережидает непогодь, а может, другое место работы облюбовал?

Вижу рябчиковые туалеты. Свищу в манок. Молчит лесная невидимка, никак не выдает себя. На писк подлетает стайка беспокойных синиц. Какое минуто, они и двух секунд не могут усидеть на месте. Попищали, попрыгали по веткам около меня, и так же внезапно, как появились, исчезли. Не шевелятся от коричневых муравьиных тел кучи-муравейники.

Осенняя вода наполнила ручьи, дорожные колеи, ямки. Журчит по проложенным руслам, в речки стекает. Шевелятся одинокие, не успевшие облететь желтые листья берез. Их братья уже посерели и ковром схоронили от глаз поздние осенние грибы. Запах перепрелой листвы вносит свой аромат в общий лесной дух.

Обольщенные октябрьским теплом, раскрылись цветочные почки жимолости, зазеленели ветки черной смородины, набухли почки ивы. Как непостоянно это осеннее тепло. Все, что поддавалось на обман, найдет ли весной силы расти, цвести, плодоносить на полную мощь? Столько отдано сил на короткий зов тепла!

Ох, как это похоже на человеческую жизнь... Под широким вечнозелёным сарафаном ели

развожу костерок. Раздвигая на поверхности родника опавшие листья, растревожил с десятков устроившихся на зимовку лягушек. Выживают эти земноводные в любую стужу. Нет ни меха, ни жировой прослойки, а жидкость в теле не превращается в кусочки смертельного льда. Свой «антифриз» у лягушек имеется.

На огромной вырубке среди голых малиновых веток красуются гроздья калины. Летом ягод не видно: закрыты малиновой листвой. А сейчас вот они, собирай. Складываю в полиэтиленовый пакет рубиновые, прихваченные утренниками гроздья. Своими семечками-визитками расскажет калина, какому органу она поможет в первую очередь.

Не перестаю удивляться загадкам природы. Был лес. Вырубили. Через год-два все заросло малинником. Кто сеял? Птички? Под силу ли пернатым засеять такие площади? Будут дарить вырубки сладкую ягоду, пока не зарастут лесом.

От дождя стволы сосен четче разграничили своё двухцветие. Низ деревьев облеплен толстыми, многослойными, продолговатыми, разделенными между собой кусками серой коры, а середина и макушка хвастаются праздничной золотисто-красной тонкой одеждой.

Где-то слышится собачий гон. Голоса собак все дальше-дальше... Совсем затихают.

Веточки вечнозеленой брусники окрасили бурлящий кипяток в шоколадный цвет, а стебельки смородины пробудили воспоминания об ушедшем лете. Белый пар из котелка, от сырой одежды, соединяясь с дымом костра, конусом тянется вверх, разбиваясь о ветви, исчезает невидимкой, оставляя после себя лишь букет запахов.

Душа размягчается. Добрая невидимая сила входит в каждую клеточку тела. Кружка кипятка

бальзамом снимает усталость. Все мило сердцу
и душе: и дождь, и свинцовое небо, и журча-
щий осенней водой ручей, и добрый лесной ко-
стерок.

Владимир ТЕРЕНТЬЕВ

Тень

Был переполнен солнцем день.
Надумав прогуляться малость,
Я шел по улице, и тень
За мною следом увязалась.

Был очень светел окоем.
Тень уменьшалась понемногу.
Но мы привычно с ней вдвоем
Шагали по-армейски в ногу.

Дома. Сараи меж домов.
Березы. Липы-переростки.
Поленницы просохших дров.
Прямоугольность перекрестков.

Все это было на пути.
А тень — пожалуй, так и надо —
То шествовала впереди,
То двигалась со мною рядом.

То, оказавшись за спиной,
Как бы подталкивая с тылу,
Уже не видимая мной,
Тащилась, так сказать, в затылок.

И не смущал нас солнца жар.
Мы шли неспешно. Но светило
Как-то внезапно, как ни жаль,
Внезапно туча заслонила.

И тень исчезла. Сразу. Вмиг.
Испытывая сожаленье,
Побрел я дальше. Напрямик.
Уже один. Уже без тени.

Тень — это вроде бы пустяк.
Но непременно при желаньи
Увидеть в этом может всяк
Подтекст, намек, иносказанье.

Но я в стихах к другому шел.
Поэтому хочу заметить:
Тень — это все же хорошо,
Тень — это значит солнце светит.

Полдень

Взгляд слепя короною
И протуберанцами,
Солнце раскаленное
Смотрит из пространства и

Жжет весьма чувствительно.
Правда, вряд ли будем мы
Осуждать решительно
Жар его полуденный.

Пыль клубами кружится.
Липкая, обильная.
Надоела улице
Речь автомобильная.

Доживем до вечера.
Улица проветрится.
Воробьи доверчиво
Под ногами вертятся.

Скачут стайкой серенькой
И клюют без промаха
Слаженно, уверенно
Шелуху подсолнуха.

А на церковь сельскую
Опустились голуби.

Самые житейские
Лезут мысли в голову.

Триоли

Триоли, триоли, триоли —
Звучит за струною струна.
И звуки несутся на волю.
В них только покой, тишина.

Порой, не надеясь на Бога,
Лишь малого просит душа,
По клавишной тряской дороге
Триоли плывут не спеша.

Но новой мелодии всплески,
Напомнив про трудные дни,
Хлестнули сурово и веско
Аккордами в две пятерни.

В сознание щемящею болью
Втеснились. Вплелись. Как мираж.
Но только не дрогнул нисколько
Знакомый окрестный пейзаж.

Как прежде, блаженствовал вечер,
О берег не билась волна.
Был космос безмолвен и вечен,
Спокойно светила луна.

И, словно бы вняв чьей-то воле,
Негромко в вечерней тиши
Опять зазвучали триоли
Для успокоенья души.

ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «СЕВЕРОК» Г. ВЕЛИКИЙ УСТЮГ

Николай АЛЕШИНЦЕВ

Время любить

Говорят, какой бы ни был бойкий –
Истончится жизненная нить.
Уходить придется ровно столько,
Сколько получалось приходить.
Только мы печали не приемлем,
Пусть – куда ни кинь усталый взгляд –
Осень. Грустно.
На сырую землю
Листья запоздавшие летят.
Не беда.
Мы это проходили.
Мы, поверьте, в стылом январе
Явные приметы находили,
Что весна таится на дворе.
Пусть метели были стаяй волчьей
Мы влюблялись чисто и светло,
Для любимых даже зимней ночью
Берегли мы нежное тепло.
Для любви какая непогода?
Вот опять хмелеем без вина.
Любим мы в любое время года,
Значит, в сердце все-таки весна.

Женщине

Да какая мне разница, с кем ты жила!
Лишь бы после неожиданно-негаданной встречи
Ты счастливой была и любимой была
На всю жизнь, а не только на этот вот вечер.
Я тебя не зову в царство страсти и грез –
В наши годы беспечно ходить над обрывом.
От красивых обманов, печалей и слез
До воды наклонились плакучие ивы...

Позабудь их. Ты слышишь, стучится весна!
Детским смехом звенит колокольчик капли!
Я тебя разбужу, как царевну от сна,
Потому лишь, что просто ладошки согрею.
Потому, что, поднявшись над миром седым,
Над страстями, изменами, злобой и болью,
Я с тобой поделюсь сокровенным своим —
Тем, что люди пока называют любовью.
Я, поверь мне, хочу, чтоб ты долго жила,
Чтоб надежный и нежный обнял твои плечи,
Чтоб любимой, а значит — счастливой была —
На всю жизнь, а не только на этот вот вечер.

Тринадцать тысяч

Я не успел, а ты не дождалась
На сухонском обветренном вокзале.
Как громко «Подожди!» тебе кричал я,
Но не услышала! Чужая чья-то власть
Нас разлучила. Только вот зачем
Сады цвели, весной вскрывались реки?
Зачем болело сердце человека
И билось все-таки? Ответ же мне: зачем?
Не укоряю. Бог всему судья.
Поверь, любимая, за все не наши годы
Любви к тебе ни капельки не продал,
Хоть иногда в деньгах нуждался я.
Да, было все. И страстные слова
Шептал в ночи. Мне тоже их шептали.
И, кажется, совсем-совсем не врали,
В приливе чувств кружилась голова...
Я не могу сказать, что не любил —
Нечестно было бы от слов своих отречься,
Но так легко в костре любви обжечься,
Что вновь поверить не хватает сил!
...Последний день я вижу сквозь года:
Лошадка тронулась. Ты вслед бежишь, рыдая...
И падаешь... Не знали мы, родная,
Что можно так расстаться навсегда.
Часы без милой кажутся длинней —

Ты ждешь ее, минуточки считая...
А я же, дни разлуки отмечая,
Жду и люблю тринадцать тысяч дней!

Сентиментальный романс

Казалось, все прошел и был готов молиться,
Свой путь преодолев сквозь тысячу Голгоф.
Тогда зачем, зачем мне снова стало сниться,
Что я ищу твое прощенье за любовь?
Я разбегусь и вновь взлечу усталой птицей
Над доброю землей людей, цветов, берез...
О, господи, зачем ты разрешил влюбиться
В ту, что уже любил до боли и до слез?
Я знаю: от себя и от любви не скрыться,
Я знаю, что никто на помощь не придет.
В безумии любви я сам себе убийца,
Напрасно ждут меня топор и эшафот.
И будет над землей пушистый снег кружиться,
Знакомый силуэт мелькнет в чужом окне...
Не надо приходить, чтобы со мной проститься
И спрашивать друзей, не больно ль было мне.
Казалось, все прошел, и был готов молиться,
Свой путь преодолев сквозь тысячи Голгоф.
Тогда скажи: зачем мне иногда не спится?
Но, как во сне, прошу прощенья за любовь!

Вера БАГРЕЦОВА

* * *

Где ты, Русь — великая держава?
Только тени верстовых столбов...
Знаю: ты одна имела право
На юродивых и дураков.
А еще — на странников и нищих,
На сирот, убогих и калек...
Разве ж может быть у Бога лишним
Русский православный человек?

* * *

Ни коммунальный аморальный быт,
Ни цен акселерация смущает —
А как же с демографией нам быть?
Ведь улицы редуют, замечаю.
Давно ничьим слезам не верит мир.
Уходим в мир иной иль провожаем...
Но как-то странно: нет пустых квартир,
И все жилья народу не хватает.
Противоречат в назиданье мне
Проблемы демографии на свете:
Нет места жить и места умереть
На этой слишком маленькой планете!

* * *

Уже и прошлое не ранит
И не болит в душе прощенной...
И все ж храню кусочек ткани —
Свой уголок новорожденной.
Все снисходительней былое —
В ошибках молодость прощаем.
И наше время золотое
Бесцеремонно забываем.
Но, юбилеи отмечая,
Смотря на молодость портретов,
Стареем и не замечаем,
Что сами стали «раритеты»...

* * *

В моей душе – цветные вернисажи:
Глаза закрою – роскошь рококо!
К моим ногам комфортно и легко
Летят каскады драгоценных тканей.
Какой-то неизвестный инструмент
Лишь для меня приносит чудо-звуки,
И я лечу, раскрыв навстречу руки,
Туда, где вдохновение и свет!
Набор серебряных и золотых колец
Тяжелым блеском холодит запястья...
Я – женщина! Вне времени и счастья!
И царственным огнем горит венец.
И будто на пороге сентября
Та роскошь замков, убранных под осень...
И снова вдохновение уносит
Туда, где нету красок бытия!

Тайлера БОЛОГОВА

Гроза

Ясный день. В лесу так тихо...
Я черники набрала.
Но внезапно (что за лихо?)
Словно тень на лес нашла.
В небе тучи заходили,
Вдалеке рокошет гром...
Воздух будто застудили,
Ветер мчится напролом...
Лес тревогой опахнуло,
Птицы смолкли, не поют...
Резко молния сверкнула:
Росчерк там и росчерк тут!
Я со страху так и села,
А в душе — восторг звенел!
Как сверкало! Как гремело!
Есть ли силе той предел?
Напоследок дождь из тучи
Шумно хлынул... Не беда:
Летний зной уже наскучил,
Как бальзам, нужна вода.
Я промокла вся до нитки,
Но когда пошла домой,
Золотые солнца слитки
Рассыпались предо мной.

Лето

Лето — в радость, как обнова,
Морем красок расцвело:
Где сиренево-лилово,
Где оранжево-бело.
Колокольчики, ромашки
И румяный иван-чай,
Распахнув свои рубашки,
Просят ветер: «Покачай!»

И игриво-шаловливо
Встречным кланяются вслед...
Жить под солнцем любо-мило,
Как прекрасен белый свет!

Андрей КЛИМОВ

Малой Двине

Всего тебе прекрасного, река.
Вот и умчались белые метели,
И чайки вместо них на берег сели
Возле ветвей седого ивняка.
Позволь и мне, помятому бедой,
Там у костра трескучего погреться.
Не беспокою серебряное сердце,
Что раздувает жабры под водой.
Я зла не причиню! В своей стране —
Я знаю, знаю, что это такое.
Тебе же знать подобное не стоит:
Пусть все плохое тянется ко мне.
Я человек. Могу я круглый год
Лед убирать с легкоранимых вод...

Рассвет

Я шел на берег речки вдоль болота
И все смотрел с тревогой, как вдали
Без помощи других упорно кто-то
Отталкивает солнце от земли.
Он для страны, стараясь, надорвется
И будет неизвестным для страны.
...А все же хорошо дарить всем солнце,
Отмытое до яркой желтизны!

Поэты

Там, где ива над водами виснет,
Там, где ива — для многих приют,
Две побитые птахи о жизни
На холодном рассвете поют.
Их не видит испуганный заяц.
Их не видит родная трава,
Но кивает, со всем соглашаясь:
Та права, мол, и эта права...
Может, я чересчур толстокожий:
Их понять — надо жить в их среде.

Но уверен: поэт только может
Так красиво пропеть о беде.

Черные косы

Опять над убогим жилищем,
Напившись в чужой стороне,
Мне ветер доверчиво свищет
О Стеньке лихом и княжне,
И как атаман ее бросил,
Чтоб не было распри, в волну...
Не спорю, что черные косы
Сгубили судьбу не одну.
У многих нас сердце болело –
Не каждый дошел до греха.
Я бросил бы женское тело
Лишь разве что в волны стиха.
Не стал бы бездушных я слушать,
И пусть мне – на шею гранит.
Имеющий русскую душу,
Другого души не лишит.

Тропа

Ничьей я милости не жду.
Увы, не жду.
Над тропкой выкрутят звезду –
Не упаду.
Не упаду, как старый гром,
Под бурелом.
А упаду... Не с малый дом
Земли кругом!
Ее есть краше, зеленей,
Но нет родней.
Найдется место мне на ней.
Да и под ней...
О, как взревет вдали толпа:
«Упал! Упал!»
Толпу простит моя тропа,
Моя тропа...

Зинаида КУЗНЕЦОВА

* * *

Навалилась на плечи
усталость,
Даже солнце как будто
померкло.
Неужели вот так
незаметно
Подбирается горькая
старость?
Но не чувствую я
перемены
Ни в судьбе, ни
во взглядах на вещи.
И в здоровье
не чувствую трещин —
Стойко воз я тащу
жизни бренной.
В ночь бессонную
плачу, бывает,
И ругаю себя
за причуды,
Но с рассветом
мрак ночи растает —
Вновь живу
в ожидании чуда.
Благодарна судьбе,
что, как прежде,
В снах цветных
я порою летаю.
День грядущий
я с новой надеждой
И с любовью,
как дар, принимаю.
Сколько б дней
ни осталось до срока,
Я, спасаясь молитвы
словами,

С обнажённой душой

перед вами

Вновь печаль свою

выплесну в строки...

Снегопад в Великом Устюге

Белый город.

Белый снег

Стружкой падает на землю.

Поседевшие деревья

В зимних платьях

Тихо дремлют.

Веток снежные ресницы

Опустились низко-низко...

То ли грезится,

То ль снится,

Что ты рядом –

Близко-близко...

Всё под снежной пеленою –

Сузил мир свои границы...

Мне хотелось бы

С тобою

В снежном царстве

Заблудиться...

Всё слилось –

Земля и небо.

В этой снежной

Круговерти.

Даже мысли, даже строчки

Только белые – поверьте.

В чёрно-белую полоску

Разлинован жизни лист,

Но сегодня он,

Как в детстве –

Свеж и первозданно чист...

Я не дам

Полоскам чёрным

К моему крыльцу

Прибиться.

Прикажу со льдом
Весенним
К Белу морю
Уноситься...

Ольга Кульневская

Октябрь

Ах, как ветру просторно
в голых кряжистых кронах!
В яром гвалте вороньем
крыльев свист его тонет...
Он швыряет мне под ноги
космы белой позёмки,
И на стылой дороге
шаги мои звонки...
А дорога —
как грань меж зимою и летом,
Меж вопросом наивным —
и мудрым ответом,
Между прядью седой —
и румянцем девичьим,
Между гвалтом вороньим —
и звоном синичьим.
Оставляю все страсти
по ту сторону грани:
Ляжет снег —
и покой тихим праздником станет.
Я готова к зиме —
долгой, чистой и строгой,
Я готова — почти! —
к заметённой дороге.
Как художник, ценя приглушённость пастели,
Я готова к зиме!
Я готова к метелям!
Полной грудью вдохну
свежесть снега — и снова
Повторю-прошепчу:
«Я готова... готова...»

Пасха на Морозовице

Золотой пасхальный полдень
Ветром весь насквозь продут.

В этой солнечной свободе
Облака, как куры, ходят
И небесный луг клюют.
И поют под ветром ивы —
Гнется к берегу лоза.
И с угора даль — что диво!
И речные переливы
Серебром слепят глаза.
К облакам душа взлетела,
Солнцем залита до дна, —
И ликует птицей белой...
И звенит струною тело...
Пасха. Счастье.
Свет. Весна.

* * *

Душистая нить
 меж весною и летом
Разорвана
 мокрым неласковым ветром,
И май-северянин
 по тропам зеленым
Пал бусами
 в россыпь —
 купальницей сонной.
Июнь подберет
 золотистую россыпь...
О наших желаньях июнь
 и не спросит:
Мелькнет над лугами
 взъерошенной птицей
И под ноги бросит
 цветастые ситцы.

* * *

Я — случайная птица
В этой стае-неволе,

Но к тебе приручиться
Захотелось до боли!
Позабыть о сожжённых
Мостах и дорогах,
Чтобы в травах зелёных
Затерялись тревоги...
Быть ничьей – не свобода,
Если птица ты даже:
Небо вон год от года
Выше всё... Разве скажешь?
Поднимись над неволей,
За меня стань в ответе –
Перед небом и полем,
Перед сердцем и светом...

В деревне

Посвящается Красноборью

Я здесь впервые... Но я здесь была:
Дождём по этим крышам моросила,
Была лучом в окне, звездой стекла...
Листвой осенней на берёзах сирых...
Была травой – душистой и живой,
Была тропинкой на холме гривастом
И стрекозой над пенистой водой
Бурливой речки, песнь поющей страстно...
Была дорогой – нет, не для авто –
Для ног босых и для сапог промокших, –
Утоптанной иль влажной – но простой,
От листьев жёлтой, белой от пороши...
Но...
В горле – ком! Ведь у дороги той,
Под синим звоном птичьего приволья –
В избе пустой с упавшею трубой
Своё бывшее узнаю вдруг с болью!
И снова сердце обжигает резь:
За что, скажите, мне такая участь?
Опять душе, себя нашедшей здесь,
Искать потерю, от бессилья мучась!

Анатолий МАРТЮКОВ

Катино сердце

Большие крылатые птицы летели плавно и высоко и потому казались едва подвижными.

В небе над селом они появлялись дважды — ранней весной и поздней осенью. Именно здесь пролегал их вечный путь в теплые страны и в свою птичью родную сторону.

Дети, игравшие во дворе дома с зеркальными от низкого солнца окнами, закричали:

— Смотрите! Смотрите! Они снова улетают!

И тут же один из мальчиков вскинул свой «огнестрельный» автомат и прицельно, с прищуром возбужденных глаз, открыл по журавлям огонь.

— А-а-а-а... Забрались выше облаков! Думаете, не достану!

— Очередями! Очередями! Все попадают! — жестоко прозвучал голос другого «бойца», тоже стрелявшего из такого же — для мальчишеских забав — оружия.

Пострелять хотелось многим. Иные стали вырывать из рук автоматчиков-друзей «боевое оружие».

Наблюдавшая за детьми с крылечка дома молодая женщина вскрикнула, увидев свою восьмилетнюю Катю в роли страстной охотницы. Девочка стреляла с колен и тоже выкрикивала какие-то боевые призывы...

Яркие вспышки зарядов на земле клин журавлей, возможно, заметил и поднялся еще выше...

По летящим над этим селом птицам стреляли всегда. И всегда из настоящих ружей. Падали с небес гуси, утки, вальдшнепы. А бывало, и журавли — на них учились целиться, соревновались на успех...

Но птицы не изменили своего маршрута. Они помнили — и каждый свой пролет поднимались все выше и выше.

* * *

— Откуда у нее столько жестокости? — недоумевал отец девочки, когда услышал рассказ о дворовых охотниках.

— У нее нет сердца, — неожиданно заметила мама. — Нет и не было с рождения... Помнишь, как она...

Кровать в детской комнате скрипнула. Разговор прервался. Но девочка все слышала и сильно насторожилась.

«Как это — нет сердца?» — думала она.

...Кровать скрипнула еще раз — девочка повернулась на спину. Она потрогала обеими руками грудь, но сердцебиения не уловила. Легла на правый бок — сердце не давало о себе знать.

Потом из детской слышалось долгое ворочание. Оно прекратилось только после полуночи.

Утром, слегка побледневшую, ее разбудили:

— Катя, в школу пора...

Это сказала мама и погладила девочку по головке.

— Ты не больна? Какие-то переживания? Может быть, тебе сегодня на уроки не ходить?

Девочка посмотрела на маму. Ее утренняя улыбка была сдержанной.

* * *

Шумный Катин класс притих — на пороге стояла Светлана Леонидовна. Она вошла как раз в тот момент, когда Катина нога еще не успела забраться под столик, и бежавший между рядами к своему месту одноклассник споткнулся и упал...

Надо было почувствовать смятение девочки, когда она услышала строгий голос учитель-

ницы:

— У тебя, Катя, нет сердца...

Мальчик поднялся и вдобавок шлепнул виновницу тетрадкой по голове.

Тут же кто-то кого-то толкнул, бросил в голову другого бумажным шариком, спрятал учебник... Сдержанная в подобных случаях Светлана Леонидовна все-таки назидательно заметила:

— Сердце свое и друг друга надо беречь с первых дней жизни...

— А если его нет? — раздалось с последних парт. — Если человек бессердечный?

Класс засмеялся.

— Об этом будем говорить потом. А сейчас — урок... Катя, будь внимательной.

А девочка Катя думала в этот момент...

Она страдала...

Как быть с тем, что слышала? Из-под ее светлых локонов смотрели одинокие, почти неподвижные глаза. Она могла бы расплакаться, но ведь бессердечные не плачут. «Плачут только безвольные и слабые», — помнила она слова из какого-то телефильма. И только потому сдержала слезы...

Она думала о том, как долго живут люди, у которых нет сердца. Вот она сама, если верить маме, даже никогда не замечала, что родилась бессердечной. Интересно, есть ли сердце у Светланы Леонидовны?

И Катя, когда прозвучал звонок, спросила:

— У вас, Светлана Леонидовна, сердце есть? Где оно, в какой стороне?

Учительница растерялась. Чуть-чуть замялась.

— Ну да... Иначе бы я не учила вас. Иначе бы я где-нибудь... в другом месте работала. — Светлана Леонидовна спохватилась, серьезно посмотрела на Катю:

— А что-то не так? — И с догадкой улыбну-

лась:

— Ты, Катя, на меня обиделась? Да? За то, что человеком без сердца назвала? Извини... Люди без сердца не рождаются. Сердце есть у каждого. Пусть каменное, но есть.

— Каменное? — удивилась Катя и даже побледнела. Наверное, представила этого несчастного с тяжелым камнем в груди.

— Катя, ты наверняка встречала людей, которые не умеют плакать. Не плачут от боли других... Эдакие эгоисты, которые равнодушны к бедам даже своих друзей...

Прозвенел звонок. Раскрасневшаяся Светлана Леонидовна только развела руками:

— Давай, мы потом о сердце поговорим. А пока садись на свое место и слушай урок. — И обратилась к ученикам:

— Так, урок начался... Успокоились... Прислушались к своему сердцу... Настроились на работу.

Катя хорошо понимала, о чем только что сказала учительница, но голоса своего сердца все равно не слышала. «Наверное, каменное...» — подумала она и стала припоминать слова мамы и Светланы Леонидовны. Однако вскоре забылась и включилась в работу.

Домой она возвращалась в более спокойном расположении духа. Даже повеселела, когда двери ей открыла бабушка.

Катины глаза засветились, теплые руки тянулись навстречу бабушке... В открытую дверь метнулся кот Лобастик, черный с белой звездочкой на груди. В зубах Лобастика что-то было...

— Бабушка! Бабушка! — вскрикнула Катя. — Воробей!

Кот с добычей рванул обратно к двери, но дверь уже закрылась. Тут-то он и попал в Катины руки.

— Отдай, негодный!

Девочка одной рукой крепко прижимала к себе Лобастика, другой бережно вызволяла беднягу воробья из кошачьих острых зубов. Кот добычу все-таки выпустил, но в ярости больно царапнул Катину руку...

Сердце воробья сильно билось. Это чувствовала ладонь Кати.

— Он живой! — обрадовалась девочка. — У него — сердце...

— Сердце хоть и воробьиное, а все чувствует, — заметила бабушка.

Между тем воробей пришел в себя и просто стрельнул с ладони — только его и видели. Катя успела лишь ахнуть, как он мелькнул в открытом окне.

— Золотое у тебя сердце, Катя. Доброе. Храни его. Такому цены нет, — улыбнулась бабушка.

Разговор о сердцах, какими они бывают у людей, продолжался долго.

— Их так много, и все разные? — удивлялась Катя. — А какие еще?

И бабушка перечисляла: чуткое и беспокойное — материнское. Гордое и нежное — девичье... Еще горячее бывает... Отважное и пламенное... Большое сердце друга... Подлое — врага... Безумное или бездушное у плохого человека... Безгрешное у ангела... Ранимое у ребенка... Трусливое бывает... Еще — холодное...

— А у мамы какое?

— Я же говорила — чуткое... У папы — верное...

— У тебя, бабушка, сердце мудрое, — вдруг выпалила маленькая собеседница. — А бессердечные или с каменным сердцем все-таки бывают?

— Бывают... Ты учишься распознавать любые, внученька. Делись своим золотом-то. Не жалея его. Тогда никто не скажет, что у тебя нет серд-

ца-то... Или что оно каменное...

Юрий ОПАЛЕВ

Челюстной вывих

Времена не выбирают.

В них живут и умирают.

(пословица)

Образцы былых времен, добрый мой читатель, я отыскал, побывав в удивительном мире архивных фолиантов. Герои моего повествования предстанут перед сердечным взором, свершив к тебе путь от грани XIX и XX веков.

Как же выглядел наш Великоустюгский уезд на срезе времен, тронутых духом новых устроений?

Хорошо сказал на этот счет наш современник — краевед и писатель В. Песков: «Если вы желаете представить себе карту деревень и сел русских уездов до революции, бросьте на чистый лист бумаги горсть пшена». Удивительная картина при этом может родиться в воображении, не правда ли?

Свидетелей, описываемой мной истории, нет. Впрочем, разве сама давность не может быть тому свидетелем, а? Быть может, сама давность и помогла увидеть мне предмет этого повествования в неожиданном «устюгском» колорите...

Поцелуевские сваты

Так вот, по моему разумению, когда-то давно, между нынешними переселками растерзанной Вологодчины жила-была деревенька Поцелуево. Там, на приятном, солнцем обласканном взгорке угнездились по соседству два добротных пятистенка — сватов Симона и Савватия. Вместе с чадами и домочадцами многие лета кормились они честным своим хлебушком и лиха большого не знавали, покуда не случи-

лась с ними эдакая вот история...

...Разбуженный короткими предзоревыми громами, раскатившимися где-то за лесными увалами, дядька Савватий ступил на скрипучие плахи санника:

— О-хо-хо, да о-хо-хо, да охо-хонюшки — хо-хо! — с хрустом расправил он могучие плечи и размашисто перекрестился золотоструйным лучам июльского рассвета.

Отмытые грозovým ливнем, поцелуевские дворы в дремотной тишине покоились среди благоухающего шиповникового цвета. Далекое эхо петушиного переклика протяжно гуляло над прохладными старичными озерцами. Савватий закатал портошины и ступил в росяную прохладу знакомой тропинки. «Ой, славнó-то как! Не-е... Робить седня не станем! Слава те, Господи, дожили до Петрова дня! Можно и выпить как следно быть...»

Кузня поцелуевских сватов стояла чуть поодаль. Не остывшее еще горно призывно курилось из прокопченного оконца вѣдливým духом железного ремесла.

— Ужо, доберусь ко свату, пропустим помалеху медовушки, а там — как Бог пошлет!

Савватий оправил собранные сырмятным пояском пряди волос и решительно направил стопы свои к дому свояка.

— Эй, Симко, Симаха! — плеснув на разгоряченное лицо холодынки у колодезного журавля, дядька Савватий тронул кольцо неподатливой двери.

— Симахо-оу! Ты где-ка? Чуешь-ли, не чуешь, а, сватюня? — В ответ кобыла Редька звякнула недоуздком и фыркнула. В нос шибануло духом свежего коровяка.

Сват Симон обнаружился на сеновале. Он сидел на иссохшем чурбане в позе неприкаян-

ного страдальца. Темные от вьезшейся окалины пальцы скребли растелешенную тощую грудину.

– Ты че, сват, не на пучине ли лихо, а?

– Да не на пучине! – сват Симон постучал себя по костистой прокаленной грудной клетки.

– Этта лихо! Видать, помру я скоро!

Дядька Савватий от неожиданности замер и углубил палец в ноздрю.

– Пошто помрешь-то? Образуется-ко давай!

– Все, все, зна-што – конец!

– Пошто конец-от? Вчера телеги держал, покуда я колеса мазал, а ить там силушки надо – дай Бог!

– А тепере вот нету-то, силушки-то...

– А куды подевал?

Сват Симон возвел на вошедшего свояка в нешутейной тревоге округлившиеся глаза и, понизив голос до свистящего шепота, сообщил:

– Вчерась взошел на повесть помочиться. Помочился... Че, думаю, сыренько на конце лаптя сделалось? Церкнул спичку, гля, а напору-то нету. Дале лаптя не летит...

– Дак, тебе уж, буди, по ветру становиться надобно, сват, – раскатисто хохотнул шестипудый дядька Савватий.

– Ржешь, жеребец! Ишь, рожу-то нагулял, ровно часы на вокзале. А я вот говею... Гриб да огурец, Пост!

– У-у! Гриб да огурец – в пузе не жилец! Ясное дело. Не по силам пост держишь. Маслицем бы постным разбавлял кашу-то, тогда и напора не потерял! Не горюй, теперь дело направим. Петров день! Подразговеться бы, а?

– Ой, не худо, не худо! Да ладно ли – до молебна-то?

– Да, не горюй ты про то! По малеху-ту,

дак нешто... Во славу Божью!

Уныло запавшие на утомленном лице свата Симона складки расправились в робкой улыбке:

— Ну, буди, по половинке-то, дак ладно уж...

...Эх, сваты, сваты, видно, забыли вы, что «все на свете делается милостью Божьей или глупостью человеческой»! Ну, да ладно.

...Не прошло и четверти часа, как довольный дядька Савватий, счистив пятерней черемуховую паутину с окладистой своей бороды, брякнул на стол объемистую корзину.

— Эвон, че у нас есть!

Не успел сват Симон моргнуть, как четверть зеленого стекла, до цветастой завязки наполненная янтарной медовухой, утвердилась на столе.

— Гли-ко, слеза ить голбешная!

Оживившийся сват Симон пощелкал по запотевшему стеклу черной каймой ногтя.

— Слеза, как, поди, не слеза!

— Ешь, плешь, наводи зад желобом, — довольно заприговаривал сват Савватий и с хрустом ломанул копченую баранью лопатку.

— На-ко, милушко, а то че-то и вправду костист стал!

Чайный стакан с игриво запузырившейся у самого рубчика медовухой дрогнул в руке дядьки Симона.

— Ой, шибко баская штуковина! Ну, спаси, Господи!

Стаканы сватов звякнули в дружном «соитии».

— Э-эх!

— Фу-у...

— Ну, каково?

— Ой, шибко дородно!

— Че, буди, на вторую ногу?

— Пишша ваша — ложка наша, давай! — и дядька Симон запасся увесистым куском копче-

ного мяса.

...Солнце поднималось. Поцелуевские коровушки бодро забрякали своими колокольцами, и на дворах селян скрипуче запели колодезные вертушки. Поцелуево просыпалось.

— Сватуся!

— О-у?..

— А в Устюге, поди, в трактире лебяжью шейку подают...

— А не с твоей харей лимоны нюхать, пей да ешь этта, каку тресцю! Каково зашабаркалото, а? А может на барабушки?

Сват Симон не ответил и в синеющей пелене самосадного дыма сумел-таки воткнуть острие ножики во вторую баранью лопатку:

— Вот эдак!

С погоста, что белел на суходоле, мерно и голосисто поплыл над раздольной поймой колокольный перезвон.

— Гли-ко, гли-ко, уж звонят к обедне, а мы все гулием! — Симон торопливо кусанул щербатым ртом оплывший жиром кусок и замер с вытаращенными глазами. Нижняя челюсть его выпала из сустава от непомерного гастрономического вожделения...

— О-о!.. — слюна блестящей струной растянулась по исподней рубахе дядьки.

— Ты че это, сватуся, пошто рожато у тя скособечилась, ровно у распетушья? — Савватий отер о рубаху пятерню и грузным движением попытался задвинуть нелепо отвисшую слюнявую челюсть свата.

Такого душераздирающего вопля на поцелуевском подворье вовек не слыхивали! Сноровистый на мастеровую догадку дядька Савватий смекнул и на сей раз быстрехонько:

— Уй, ес твой нос! Рожато у тя, сват, не затворяется, идь, поди-ко, к лекарю надо...

Дорога к лекарю

На поцелуевских дворах не успели еще отзвенеть цепями колодезные журавли, а норовистая кобыла Редька уже катила кошовку во весь опор к спасительной лекарской избе.

— Ну, падина, и-ип, и-ип! — свистящий кнут то и дело гулял по влажному крупу галопирующей лошадедки.

Растерянные, ничего не понимающие чада и домочадцы Симона так и остались с открытыми от изумления ртами на краю мягкого извилистого проселка... Пролетка же, обдавая зеваяк разящей струей конского метеоризма, с жестяным дребезжанием неслась все дальше и дальше.

— Куды это они, в церкву, что ли?

— Не-е. Чуешь, Симону неловко сделалось, дак к лекарю поскакали.

— А-а...

Между тем, солнышко уже поднялось. Жалованная лучезарными небесами теплынь щедро растеклась по поцелуевским суходолам. Пора стояла сенокосная, и рой перепончатокрылой твари одолевал путников нешутейно.

Увлеченный гонкой по изъезженному проселку, сват Савватий и не заметил, какие телесные мученья претерпевал сват Симон. Нелепо разинутый рот его наподобие воздухозаборника забился несметным числом мошкары и мух. Телегу тряхнуло на колдобине, и страдалец, неожиданно сложившись на днище повозки, словно нож-складенец, с гортанным хлюпаньем исторг из себя все, что было недавно копчеными барабными лопатками и всяческими насекомыми...

— О-о-о...

— Держись, сватюха, теперь уже недалеко. Ужо, лыву проскочим, а там и до лекаря не бо-

лее верст пяти!

Ухлестанная лошадь боязливо остановилась перед пузырящейся «лывой».

— Но, шевелись, ну, ишо... и-ип, и-ип!

Кобыленка испуганно дернулась, и повозка вместе с ездоками тяжело плюхнулась в болотную жижу.

— От, ес твой двадцать!

Лекарь Кидай-нога

Добрый мой читатель! Давай на минутку оставим впавших в череду злоключений поцелуевских сватов. Вооружившись в минуту сию «резцом истории», я хочу извлечь из «золотой пыли времен» доподлинные сведения о состоянии медицинского обслуживания в Великоустюгском уезде в начале XX века.

На всем пространстве устюгских земель в ту пору существовала одна земская больница да шестнадцать фельдшерских пунктов. В них и трудились три врача, шестнадцать фельдшеров с бабками-повитухами да помощниками.

Я не знаю, в какой из этих лекарственных приютов держали свой путь мои герои. История об этом умалчивает. Да дело и не в том. Скажу я то, что в деревне, которая стояла в двенадцати верстах от Поцелуева, вместе с фельдшером вершил дело Божье санитар «Кидай-Нога». Был он вдов, бездетен и много лет уже «приживался» при фельдшерском пункте. Раньше служил он санитаром на войне и ногу свою потерял при защите Порт-Артура. Незлобивые по духу селяне прозвали его «Кидай-Нога», потому, как липовая деревяшка его бухала и скрипела немилосердно. Он-то и предстал перед измученными и растерянными путниками на крыльце «лекарской избы».

— Господин лекарь теперь не принимает!

- Пошто это не принимает?
- Оне убыли на оспопрививание. Шибко далеко, зна-што завтра будут!
- И...ы... – гундосно и страдальчески затянул замотанный рукотерником сват Симон.
- Милостивец, не оставь, Христа ради, излечи! Помираем... Едва не утопли! – замер в поклоне дядька Савватий.
- Хошь добра – посыпь серебра!
- Посыплем, посыплем, милушко, ты сможешь ли харю-то у свата направить?
- Дед Кидай-Нога с достоинством оправил на своей душегрейке Георгиевский крест.
- Я на войне всякие хари правил, а не токо эдакие!
- Придерживая сомлевшего свояка, Симон осторожноенько двинулся за одноногим санитаром.
- Сюды, сюды, болезные, этта и стану вас лечить.
- На аккуратных, выскобленных полках вдоль стен висели таблицы анатомического атласа, стояли банки с пиявками и клизмами. Поцелуевские сваты враз протрезвели наполовину...
- Эвон как тута... Боязно че-то...
- Поддернув вымокшие в болоте штаны, они со смирением шатко замерли перед санитаром.
- Обожди, болезню, ужо, сперва обследуем,
- Кидай-Нога со скрипом приблизился к анатомической таблице. – Тэк-с, тэк-с... Ось клявикуля, ось мандибуля...
- Какая ишшо ось, милушко? Лечи, буди, скоряя, как взялся.
- Станови сюды страдальца! Токо не вякай мнека под руку боле. – Георгиевский кавалер деловито закатал рукава на своих жилистых «рычагах»...
- Ну, с Богом!
- Голова свата Симона податливо дернулась и неожиданно оказалась на колене липовой ноги

санитара.

— Теперь подсунь под его бадейку!

— Пошто?

— Не пошто, а на всякий случай!

Не успев узреть таинства «лечения», сват Савватий вновь вздрогнул от душераздирающего вопля свояка. С вытаращенными глазами тот стоял в позе «жертвенного тельца», не сразу уразумев, что выпавшая челюсть его уже стоит на месте... Пораженный благим и скорым целительством увечного санитара, сват Симон медленно стащил с головы закопченный треух:

— Век Бога благодарить стану, благодетель ты мой! Сколь я должен-то тебе?

— Рубель бы надо, да уж ладно.. Два, буди, возьму! — взбодренный неожиданным успехом лечения, Кидай-Нога принял подношение со степенным достоинством. — Ежели опеть кака ось из организму выпадет, захаживай, излажу!

Сваты долго еще тряслись обратно в своей кошовке по разухабистым проселочным колеям да судили-рядили о пережитом. Кобыла Редька, неспешно семена, везла их к родимому подворью. После испытаний лихого дня поцелуевские кузнецы «первой руки» мало-помалу обретали унесенный потоком возлияния умственный достаток.

— Слышь, Симаха!

— Че опеть тебе, токо в грех меня окунаешь!

— Да я не про то. Шибко много ты лекарю-то дал.

— Не захошь во хвори ходить — дашь и не эстолько!

— Лекарь-от по харе твоей полоротой дал разок-другой, и сразу два целковых ему, лыкодеру? Да я в эту самую ось и за полтину бы тебе ишо здоровше колонул, не надо бы и муче-

ний эких принимать! В другой раз сам лечить
тя стану! – Сват Савватий хитро подмигнул сва-
ту Симону и поднес к носу его увитый натру-
женными жилами кулак. – Эвон, не сомневайсь!

«Ось жизни»

Старенький деревенский батюшка, с подо-
ткнутой под пояс рясой, повстречался поцелу-
евским кузнецам у коварной «лывы».

– Откуда путь держите, молодцы?

– А ось вот свату ездили вправить у лекаря.

– Каку-таку ось?

– В челюсте, слышь, есь ось. Она и выпала
у Симахи мово, батюшка, – похмельно хохот-
нул Савватий.

– О-хо-хо-хо, и мала беда, да велик грех,
верно сказано. Пошто зелья до конца поста упот-
ребили? Ось в челюсти потерять – полбеда. Ось
в душе утратить – вот беда!

Не найдя ответа, сваты, сняв шапки, долго
глядели вслед священнику, с посохом бредуще-
му через зыбкую сплаvinу болота в далекую
деревню...

Галина ПЛЕТНЁВА

* * *

Здравствуй, дедушка!
На-ко хлебушка,
Намочи в молоке,
Отдохни в теньке –
Путь далече, знать.
Веселей шагать,
Коль не пуст живот –
Всяк едой живет.
Говорят, вчера
Ерга разлилась.
Ужо, мост найдешь –
Живо перейдешь...
День – по бережку,
Ночь – в сухом ложку,
Под щекой мешок,
Трава – теплый шелк,
Через Печерзу,
Под Конявицу,
Да к святому дню
В Устюг явится.

* * *

Только б не сбиться с дороги
И не сойти с полпути –
Как ни устали бы ноги,
Надо к восходу прийти,
Где на вершине желанной,
Над океаном страстей
В танце сплетаются странном
Судьбы и жизни людей.
Там, на орлином излете,
Дух от восторга замрет,
Крылья застынут в полете,

Василий Ситников

Южак

Гонял к Архангельску плоты,
До посевной, по многоводью.
Рубил кондовые скиты,
Рванув кряжину на поводьях.
До хруста в хлипенькой кости,
Схватив кабатчика в охапку,
За то, что тот не угостил,
Под угол бани сунул шапку...
Шагал дремучею верстой,
От всякой нечисти отрещен.
А пасовал лишь пред сестрой,
Которая была — похлеще.

Коля-ягодка

Ветер треплет широкие полы
Брезентухи, свисающей с плеч.
Он идет по бескрайнему долу
Свое тихое счастье стеречь...
Ни росточком, ни статью не вышел.
В забинтовке сухая рука.
Подойдет к рыбакам на кострище,
Спросит: «Ягодка, дай огонька».
Отодвинув корявые сучья,
Пригудится у чурок-кадух.
Вскользь взглянув на точеные крючья
Потемнелых в песках закидух.
С обостренной тоской запредельной
Будет слушать, как грают грачи.
Умолчит о житье в богадельне,
О печалях своих умолчит...
И уйдет, кружкой чая согретый,
Под усталый, задумчивый взгляд,
Чтобы гнать в уходящее лето

Неуклюжих колхозных телят...

* * *

Н. Шарыпову..

Облака задвинуты,
Невода раскинуты,
Солнце златоперое
Плещется в сетях.
Весельными веснами
Под ветрами острыми,
На родимом острове
Нам жилось шутя...
Пролетали лебеди,
Пролетали утицы,
Рассекал вселенную
Журавлиный клин.
И девчонка русая
Из соседней улицы
Что-то пела весело
Под крылом рябин.
Рисовал на озере
Вечер буби-kozyри.
Разгулялись, ожили —
Повалила масть...
Вроде не убожества,
Все учили, все сложили,
А игра во множестве
Все ж не удалась...
Ты из можжевельника
Сделал клюшку новую,
С грустью и отчаяньем
Дремлешь у воды.
Только по-над ельником
Ворон, вскинув голову,
Что-то кричит сдержанно
В предрассветный дым.
В шири затуманенной
Слышен рокот катера.
Там, за перекатами

Ожил перевоз.
Да пастух, напарник твой,
Поминает матерно
Что-то непристойное
Про родной колхоз...
Плачут ветры шальные,
Стонут струны вещие,
Чья-то юность прячется
За кондовый сруб...
Догорит ольшанина,
И твои утешины
Легким словом скатятся
С удивленных губ...

«Манило»

Не ходи туда.
Там кругом вода,
Там среди болот
Бог весть кто живет,
Он пытит, бурчит,
Он кричит в ночи,
Тонко путы вьет
И зовет, зовет...
Там унылый звон,
Там младенца стон...
Хлябь черным-черна,
Бочаги без дна,
Зыбуны — глухи —
Плавунами — мхи,
Ускочи — беда...
Не ходи туда...

* * *

Я готовлюсь к последнему шагу.
Ветер волос ерошит сухой,
И весна, замутив в рощах брагу,
Воробьями «трещит» под стрехой.
Подбираю стихотворенья,

По летам, в рыхлой кипе бумаг.
Я-то знаю, он будет паденьем,
Мой последний, заждавшийся шаг.
И тогда в светозарье наитий,
По моим бездорожьям скользя,
Вы с любовью меня поднимите
И с любовью закройте глаза.
И я буду спокоен по-детски,
Постигая безвременьем суть,
Если кто-то упрямый и дерзкий
Вдруг решится продолжить мой путь...

Татьяна ЯДРИХИНСКАЯ

Обувка – дело хорошее

Я неотрывно смотрю на красный патефон Виссариона Степановича, из которого доносится мягкий, бархатистый голос Руслановой: «Валенки, валенки, ох да не подшиты, стареньки...»

– Ну, девки, какую вам еще музыку поставить? – спрашивает Виссарион Степанович меня и еще пятерых моих подружек, пришедших послушать песни. «Девки» сидят в рядок на широкой лавке Виссариона Степановича.

– «Синенький скромный платочек», – подсказывает бойкая черноглазая Зойка.

Виссарион Степанович долго крутит ручку патефона, ставит пластинку и плавно опускает головку с иглой:

– Ну вот, готово, слушайте, девки, «платочек»...

И мы, затаив дыхание, слушаем песню в исполнении Клавдии Шульженко.

Патефон стоит на очень низеньком самодельном столике, рядом – низенький стул с положенной на него подушкой, на которой сидит Виссарион Степанович. Столик, на котором расположен незатейливый инструмент, тоже невысокий. Виссарион Степанович шьет и чинит обувь.

– А сейчас, девки, мою любимую послушаем! – И он ставит новую пластинку.

«По диким степям Забайкалья, где золото роют в горах...» – доносится из патефона.

Виссарион Степанович откладывает инструмент в сторону, кладет жилистые руки на стол и неотрывно смотрит в одну точку. Задубелое и давно не бритое его лицо становится серьезным, сосредоточенным.

«Идти дальше нету уж мочи – пред ним рас-

стился Байкал...» — звучит грустная песня, и по впалой щеке Виссариона Степановича скатывается крупная слеза.

Чуть не до самых колен нет ног у Виссариона Степановича. Протезов у него тоже нет, поэтому ходит он на коленках. Штанины брюк его укорочены и зашиты, а там, где колени, пришито по большой кожаной заплате. «Вместо сапог», — шутит он иногда.

Вся деревня зовет его уважительно по имени-отчеству: может, за заслуги его военные, а может, потому, что мастер сапожный он исключительный, а может, за то и другое вместе. Всю войну прошел Виссарион Степанович, много наград заслужил, да вот не повезло ему перед самым концом войны — потерял обе ноги. Хвастать боевыми заслугами он не любит. Непьющий, он только 9 мая, надевая свой военный китель вместе со всем боевым «иконостасом», наливает себе большой стакан водки, чтобы помянуть боевых товарищей.

Тихая, кроткая жена его Марья преданно и верно во всем помогает мужу. Единственный их сын, косоглазый Веня, был моложе меня на целый год. Родители души не чаяли в своем отпрыске, и рос он избалованным и капризным. Жаль, в 18-летнем возрасте застрелился из-за девки...

— Чего это, Танюшка, у тебя валенок-то каши просит? — обращается ко мне Виссарион Степанович. — Сымай-ко его давай! Пока вы песни слушаете, я его и зашью.

— Не, — отмахиваюсь я, — мамка сама зашьет.

— Да сымай, сымай! — не отступает Виссарион Степанович, — денег я с тебя не возьму. Да ты матери-то ничего и не говори.

— Ладно, — соглашаюсь я.

Он ставит новую пластинку и ловко управ-

ляется с моим дырявым валенком.

— Ну вот, Танюшка, пластинка кончилась, и валенок твой готов.

Я обуваюсь.

— Не помнишь отца-то, поди? Да где тебе, мала была... А младшая-то у вас, поди, в зыбке качалась, когда отец помер? Да-а, я хорошо знал твоего отца, Танюшка. И до войны, когда он счетоводом работал, и после. Надо же, — сокрушенно качает он головой, — всю войну старшиной разведки прошел, орденов и медалей сколько заслужил, а тут вот в мирное время помер... Шутка ли — пятеро детей оставил, эку груду!

Когда все пластинки прослушаны, я прошу Виссариона Степановича:

— Расскажите о войне.

Он на секунду задумывается, глядя поверх наших голов:

— Нет, девки, не надо вам знать о войне: страшная она, эта война, нехорошая, не буду я вам о ней рассказывать. Вы лучше музыку слушайте. Песни пойте, может, и из вас артистка какая знатная выйдет — голосистая, как Русланова. Она ведь тоже маленькой была и не сразу артисткой стала. Мы, девки, кровь проливали за то, чтобы жизнь вам счастливую сделать, так что живите, радуйтесь да музыку слушайте... А давайте, я вам еще напоследок песню поставлю. Вижу, Танюшка, она тебе больше всех нравится, да и мне тоже.

И вот уже снова из патефона несется удивительный, неповторимый голос Руслановой: «Валенки, валенки, ох да не подшиты, стареньки...», а Виссарион Степанович задумчиво смотрит на замерзшее окно. Потом поворачивается ко мне и улыбается:

— Обувка — она завсегда дело хорошее. Так, Танюшка? — И хитровато подмигивает.

СОДЕРЖАНИЕ

Литературное объединение «Откровение»

г. Никольск

Юрий Зайцев	4
Ольга Зотикова	5
Александр Лешуков	6
Людмила Карпова	8
Ростислав Панов	12
Сергей Подольский	14
Сергей Тропин	15
Виктор Цветков	16
Оксана Шпилько	19

Литературное объединение «Истоки»

п. Кичменгский Городок

Александр Бубнов	21
Светлана Вершинина	23
Татьяна Ветрова	26
Сергей Дорожковский	28
Татьяна Колосова	30
Татьяна Макарова	31
Галина Некипелова	33
Михаил Рыбин	34
Татьяна Смирнова	36

Литературное объединение «Родник»

п. Подосиновец

Светлана Гмызина	38
Ольга Кузнецова	40
Татьяна Курдюмова	43
Лариса Лебедева	45
Алексей Мамонтов	47
Надежда Мохина	49
Артем Островский	55
Любовь Петухова	57

Олег Пинежанин	59
Станислав Реснянский	63
Владимир Терентьев	66

Литературное объединение «Северок»

г. Великий Устюг

Николай Алёшинцев	69
Вера Багрецова	72
Тайлера Бологова	74
Андрей Климов	76
Зинаида Кузнецова	78
Ольга Кульневская	81
Анатолий Мартюков	84
Юрий Опалев	89
Галина Плетнёва	99
Василий Ситников	102
Татьяна Ядрихинская	106

Отпечатано в типографии ООО “Лобань”
Заказ 215. Тираж 200 экз.
Бумага офсетная